

НИКОЛАЙ ПРОКУДИН

КОНВЕЙЕР
СМЕРТИ

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Постарайся вернуться живым

Николай Прокудин

Конвейер смерти

«Центрполиграф»

2014

Прокудин Н. Н.

Конвейер смерти / Н. Н. Прокудин — «Центрполиграф»,
2014 — (Постарайся вернуться живым)

Николай Прокудин – ветеран войны в Афганистане, награжденный двумя орденами «Красная Звезда», медалями, майор запаса – представляет третью книгу в серии «Горячие точки». Первые две – «Рейдовый батальон» и «Бой под Талуканом» – уже нашли своего читателя и получили самый горячий отклик от людей, оценивших, насколько реально и правдиво передана атмосфера той войны, эмоции неподдельны, а язык автора ярок... Эта книга об Афганской войне, такой, какая она была на самом деле. Все события показаны через призму восприятия пехотного лейтенанта. Смерть, кровь, грязь, жара, морозы и бесконечная череда боевых действий. Но главное – это люди на войне, их героизм и трусость, самоотверженность и эгоизм..... И опять чтение захватывает настолько, что порой забываешь, что читаешь не крутой вымышленный боевик, а реальные истории о реальных людях, и смех и боль здесь настоящие.

© Прокудин Н. Н., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	6
Глава 1. Карательная операция	8
Глава 2. День рождения	21
Глава 3. Вверх по служебной лестнице	34
Глава 4. Большая трагедия и маленькие драмы	46
Глава 5. Расстрелянный стройбат	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Прокудин

Конвейер смерти

© Прокудин Н.Н., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Родился в 1961 году в Кемеровской области. Ветеран войны в Афганистане, награжден двумя орденами «Красная Звезда», медалями, майор запаса.

Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей, литературный секретарь Международной федерации русских писателей. Автор 15 книг прозы. Председатель секции военно-патриотической, приключенческой и детективной литературы. Лау-

реат нескольких литературных премий и благотворительного движения «Золотой пеликан». В настоящее время участник борьбы с пиратством в зоне Индийского океана.

Глава 1. Карательная операция

Ночное небо простиралось над землей, словно гигантский черный шатер. На нем мерцали звезды, как всегда, холодные и далекие. Легкий ветерок шевелил волосы, освежал лицо. Я постепенно приходил в себя.

Да и как не разнервничаться, если из ста тысяч возможных претендентов выбрали меня, единственного. Один шанс из ста тысяч. А ну как и правда получится? Я – Герой Советского Союза!!! Москва, Кремль, академия...

ТЬфу ты, черт! Совсем ум за разум зашел. Иду, куда ноги ведут, дороги совсем не вижу. Удивительно, что о бордюры не запинаясь и в колючки не забредаю. Шальные мысли надо гнать из головы, а то и до беды недалеко. Вознесешься в мечтах до самых небес – вот тут-то тебя пуля на земле и срежет. Не летай, не воспаряй. Будь проще! Живи, как раньше жил.

– Эй, лейтенант, ты чего сам с собой разговариваешь? Пьяный или совсем от войны чокнулся? Завоевался, служивый? – услышал я сзади веселый женский голос.

От неожиданности чертыхнулся в сердцах:

– Черт побери! Понаставили бордюрных камней, чуть в темноте ногу не сломал.

– А ты ходи и под ноги гляди, меньше мечтай, – насмешливо сказала, поравнявшись со мной, кладовщица Лариска.

– Да, действительно задумался. Устал очень. Не живем, а существуем. Как собаки – и даже хуже. У собак хоть отдельная будка есть, а нас общаги и той лишили. Из батальонного модуля выселили к бойцам в казарму. Один взводный на сейфе спит, другой – на столе, а я обычно на полу – в ленинской комнате на надувном матрасе.

– Беденький! Надоела, наверное, жизнь половая? – расхохоталась женщина.

– Жизнь половая не надоела, потому что ее нет совсем. Просто устал ночевать в спальном мешке на пыльном полу.

– Тебя даже жалко стало. Пойдем, чаем напою. Хочешь?

– Хочу! Всего хочу!

– А вот насчет всего ты не угадал, место занято, пролетаешь, как фанера над Парижем!

– Ну, чай так чай, – вздохнул я и побрел следом.

В крохотной комнате стояли шкаф, стол и две застеленные кровати. Близость женщины возбудила плоть, взбудоражила – и только лишний раз расстроила. Я выпил, обжигаясь, большой стакан крепкого душистого чая с вареньем. Опустошил второй и попросил третий.

– Ты меня глазами скоро разденешь и съешь! Топай домой. Хватит сидеть и таращиться. Чаепитие окончено! Скоро Сашка должен объявиться. Зайдет, а тут молодой лейтенант меня компрометирует! – рассмеялась Лариска и, потянув легонько за руку, вытолкнула за дверь.

«Вот черт, как все нелепо получилось», – рассердился я на себя. Зачем пришел? Сам не знаю. И сердце, вместо того чтобы успокоиться во время прогулки на свежем воздухе, наоборот, еще пуще колотится. Давление, чувствую, поднялось до критических пределов.

Поманили меня большой наградой начальники и сбили с толку. А потом еще махнула зазывно юбкой ведьма-деваха. Одни душевные расстройства... Ну хватит напрасно переживать. Конец прогулке – спать пора.

Рано утром стремительная постановка задач и сбор по тревоге. Батальон погрузился на технику и отправился на Баграмскую дорогу проводить карательную операцию. Отольются солдатские слезы тем, кто устроил фейерверк из «наливняков».

Шедший впереди колонны танк с тралом задавил несколько мин. В конце концов после подрыва мощного фугаса каток трала отлетел в виноградник. Пока танкисты навешивали новый и заменяли контуженого механика, батальон открыл по «джунглям» шквальный огонь

изо всех стволов. Ветви деревьев, виноградные лозы трещали и падали, скошенные пулями и осколками снарядов. После точных попаданий артиллерии крыши и стены нескольких строений завалились внутрь картонным домиком. В садах, как песчаные фонтаны или гейзеры, десятками взметались вверх взрывы, а затем оседали, барабанив комьями земли. Над кишлачной зоной нависла сплошная пелена из дыма и пыли, мешающая и дышать, и смотреть.

Я залез в башню на место наводчика и принялся посылать очередь за очередью по кромкам высоких дувалов. Сначала бил по развалинам, а потом переключился на самый огромный в кишлаке двухэтажный дом. Довольно занятное времяпрепровождение – высаживание ворот и вышибание остатков стекол. Чувствуешь себя первобытным варваром. Строения вокруг проселка рушились, осыпались, горели, но людей в них не было – ни одной живой души. Боеукладка в машине вскоре закончилась. Пока оператор занимался прокачкой второй ленты, чтобы продолжить стрельбу, я выбрался из башни. Канонада затихла, перестали свистеть пули и осколки, и можно оглядеться.

Вдоль проселочной дороги по арыку протекал поток мутной глинистой воды вперемешку с мусором. Вода – это жизнь. А плохая вода – плохая жизнь, и жизнь в округе соответствовала воде в сточной канаве. Отплевываясь от пыли и мошкеры, я присел на глиняный край арыка. Сняв обувь и носки, я окунул ступни в эту жижу. Теплая киселеобразная жидкость освежила, но, разглядывая грязный поток, я содрогнулся от отвращения при мысли о зараженной гепатитом, тифом, дизентерией и холерой воде, которая протекает у меня под ногами. Вся эта нечисть только и мечтает, чтобы проникнуть в мой молодой здоровый организм. А сколько заразы витает вокруг нас в воздухе! Бр-р-р! По-хорошему, взять бы территорию Афганистана да вымыть с хлоркой, чтоб обезвредить и обеззаразить. И аборигенов хорошенько помыть не мешало бы в русской баньке, с парком и веничком. Правда, отмыв тело от грязи, они, возможно, сразу вымрут! С непривычки. Мы тоже постепенно привыкаем к местным условиям, но адаптируемся к антисанитарии плохо. Пьем воду из арыков, едим из грязных котелков немывыми ложками (в горах вода дороже золота) и часто по несколько недель не умываемся. Но вот что странно: я ни разу ничем не заболел! Мучаюсь только с гудящими от усталости ногами, ноющими коленями, да зубы крошатся от отсутствия фтора в воде и от твердокаменных сухарей. Правда, большинство наших бойцов не выдерживают. Медсанбаты и госпитали переполнены страдающими от инфекционных заболеваний.

Я плеснул водой на воображаемых микробов, стряхнул капли со ступней: «Кыш, проклятые!».

К моей БМП подошел озадаченный и хмурый Сбитнев, который вернулся с совещания:

– Ник, хватит балдеть! Обувайся, сейчас твои ноги снова вспотеют! Задач нарежали, мать их! Слева от дороги кишлак – название не выговорить – прочесать! Одной нашей славной ротой! Справа будет действовать вторая, а развалины впереди штурмует третья. Минометчики и артиллеристы с Баграмки произведут огневой налет, потом авиация отбомбится, и ровно через полчаса начало движения.

– Охренели, что ли, боссы? Ротой – на большущий кишлак? – удивился я.

– Таких кишлаков тут вон сколько! Цепью тянутся на восемьдесят километров! Что-то разведбат на себя берет, что-то восемьдесят первый полк, что-то десантура, и многие сотни домов останутся непроверенными. Прочешем только окраину, вдоль дороги. Нам предстоит загнать банду Карима в кяризы и там дымами потравить. Будем забрасывать лабиринты дымовыми минами и гранатами, минировать выходы из колодцев и, если получится, подрывать.

– С кем мне идти прикажешь? Взводных – полный комплект, поэтому хочу с тобой вместе вползать в зеленку. Не возражаешь? – спросил я.

– И какой будет наша задача дальше? – поинтересовался вклинившийся в разговор Острогин. – Что нам предстоит тут делать: осваивать виноградные плантации? Помогать деханам собирать урожай?

– Сейчас не до шуток! Приказ: колодцы, которые мы обнаружим, травить. Пусть угорят к чертовой матери!

– Бедная чертова мама! Ей будет чрезвычайно тяжело унести мириады отравленных душ, – рассмеялся Острогин. – Доведите план действий, командир! Взвода работают вместе или поврозь? Куда идет мое войско из восьми человек?

– Выстраиваемся в линию и планомерно, не забегая вперед и не отставая, ползем по долине, сметая все на пути. С краю от дороги – первый взвод. Затем второй, дальше третий и ГПВ, – распорядился Сбитнев. – Я пойду с третьим взводом, замполит – с пулеметчиками. Мандресов, после этой операции – раскрою секрет – уходит от нас, поэтому я пойду с ним. Оценю его работу.

Мы недоуменно переглянулись: куда?! Только прибыл! Опять теряем хорошего парня.

– Грабят! – возмутился я.

– Да, да! Уходит на повышение. На отдельный взвод. Будет вместо Арамова командовать гранатометчиками. Никто нас не грабит, – отмахнулся ротный.

– А Бохадыр куда? – удивился Острогин.

– Командир полка назначает Баху на место Габулова. Комбат приедет, согласуют с ним, и цепочка назначений двинется. Так что Мандресов, как Юлий Цезарь: пришел, увидел, вырос! Карьерист!

– А почему не Острогин? – удивился я.

– Сержу светит должность ротного! Зачем ему взвод? А Мандресов новичок, еще нужно научиться действовать самостоятельно, для дальнейшей перспективы роста. Замполит, тебя же наш Муссолини расспрашивал о Мандресове вчера?

– Ну, спрашивал. Так, между делом интересовался, что за человек. Почему комсомолец, а не коммунист? Я сказал: хороший офицер, а что комсомолец – исправится, сделаем коммунистом. Долго ли при обоюдном желании и с хорошими товарищами. Если упаковку «Si-Si» к тому же поставит и сверху коньяк!

– Поставишь? – посмотрел вопросительно Сбитнев.

– А надо ли? Может, я еще не созрел, сойду комсомольцем? – засмущался Мандресов.

– Тебе денег жалко или принципиальная позиция: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым?» – возмутился Сбитнев.

– Жалко! Тем более что я еще получку в глаза ни разу не видел.

– Увидишь! Ты, между прочим, и в коллектив не влился! После возвращения берешь чеки, вливаешься, а на следующий день – отвальная! Сдашь дела тому, кто тебя сменит, и шагай по ступеням карьерного роста. АГС – это кузница кадров нашего батальона. Оттуда двое роту получали и заместителями начальника штаба становились, и это только на моей памяти, – сказал Сбитнев.

– Он так вскоре нами командовать вернется! – усмехнулся Ветишин. – Санька, дай, пока можно, тебя в бок двину. Когда станешь большим начальником, не получится! – Сережка, смеясь, хлопнул Мандресова кулаком, и офицеры принялись весело мять бока Александру, радуясь возможности подурочиться перед боем. Мы заметно нервничали перед вхождением в зеленку, таящую постоянную угрозу.

Зеленка не подавала признаков жизни. Она была похожа на матерого аллигатора, затаившегося в болотной тине, ожидающего неосторожную, зазевавшуюся антилопу или газель, чтобы схватить за горло и утащить на дно. Такой антилопой сегодня могли оказаться мы.

Тишина становилась гнетущей. Казалось, вот она, рядом, мирная жизнь: по шоссе торопливо снуют автомобили, стараясь быстрее проскочить в город, женщины спешат с многочисленными детьми по своим делам, птицы щебечут в листве деревьев, солнышко светит. Идиллия! Но спокойствие было обманчивым. Ведь барбухайки несутся так быстро, чтобы проскочить до начала стрельбы, а мирное население не просто торопится по своим делам, а спешит подальше уйти от опасной зоны. Скоро и беспечные птицы петь перестанут...

Действительно, все вокруг резко переменялось после первого же артиллерийского выстрела. И тут, и там снаряды сплющили, словно гигантским молотом, нехитрые постройки, превратившиеся в пыль, вырвали с корнями вековые деревья, завалили метровой толщины дувалы.

Ну, с Богом! Удачи нам...

Духи, как оказалось, не ушли и не спрятались. Стоило сделать несколько шагов по враждебной территории, как мы попали под шквальный огонь мятежников. Конечно, то, что техника двигалась не одной колонной, а была развернута в линию, помогло прорваться вглубь. Пушки и пулеметы стреляли непрерывно, пока не кончились боеприпасы в боеукладках. Стволы, перегреваясь, шипели. Вот и ближайшая цель – большой высокий дом за широкими стенами посреди густых зарослей винограда. Лоза трещала, извивалась и наматывалась на гусеницы, мешая продвижению техники.

– Эй, сапер Курбатов, проверь вход! – приказал солдату Сбитнев.

Этот парнишка мне был знаком еще по прошлому году, когда Острогина окружили духи. Он и другой сапер, Аристархов, не бросили нашего взводного. Так втроем и отстреливались в течение двух часов от наседавших духов. Аристархову повезло, и он уже уехал домой живой-здоровый, а Курбатову, бедолаге, еще служить и служить...

– Курбатов, ты аккуратнее ходи. Не пропусти растяжку! Ноги береги! – похлопал я его по плечу.

Солдат нервно улыбнулся в ответ на мою заботу, махнул рукой и принялся осторожно проверять шупом тропу и подступы к воротам. Те оказались незакрытыми. Да и зачем? Запертые либо ломаем, либо подорвем, а древесина ой как дорога в этой стране!

Второй взвод начал внимательно осматривать строения, а мы с Бодуновым переместились к следующей хибаре. Стены тут были ниже, тоньше, сам же домик совсем обветшал, и только виноградник был еще гуще, чем везде.

– Бодунов, выбирай позиции пулеметам, а я в окрестностях пошарю, – сказал я прапорщику. – Возьму с собой сапера, пулеметчиков, наберу дымовушек и поищу кяризы в зарослях. Нужно заранее обезопасить себя, а то скоро духи, как тараканы, ползут оттуда на волю!

– Смотри на засаду не навись. Далеко не отходи! Если что, кричи о помощи! Услышу – прибегу, не услышу – не обессудь! Я тебя не посылал! – заржал прапорщик.

– Ты тоже кричи, не услышу – не помогу, а услышу – тоже не прибегу. Вас много, нас мало. Если уж тебе станет худо, то и от нашей помощи толку не будет, – рассмеялся я в ответ. – Обживайся, готовь обед, постреливай из «Утеса», но не перепутай меня с врагами!

– Не перепутаю! Сегодня у тебя физиономия без бороды, не ошибусь! Да и как же можно в Героя стрелять! Нельзя, пока живи!

В окрестностях за дувалом я обнаружил два колодца, а Зибоев отыскал еще один, прикрытый досками и засыпанный соломой. Десять дымовых мин улетели в глубокие жерла, туда же отправились осколочные гранаты, гулко громыгнувшие на глубине. Чтобы дым не поднялся вверх, а задержался внутри и пошел бы гулять по горизонтальным ходам, мы закидали выходы ветками и какими-то лохмотьями. Еще один дымовой столб клубился из глубины двора. Это Игорь шалил, обнаружив очередной потайной лаз.

– Товарищ лейтенант, в кяризе какое-то странное шебуршание! Послушайте! – окликнул меня из зарослей Лебедков.

– Сержант, может быть, вода течет, это ведь своеобразная система водоснабжения. Но могут и духи перебегать к нам в тыл. Чего прислушиваться! Тащи две дымовые гранаты и РГО! Сначала гранату кинь, а потом дымы, – распорядился я. Не дожидаясь, пока он их принесет и не заглядывая внутрь, я бросил во чрево колодца эфку. Граната, ударяясь о стенки, полетела вниз. Раздалось несколько шлепков по глине, а затем гулкий взрыв.

Лебедков повторил бросок, но более аккуратно. РГО взрывается сразу при ударе, поэтому сержант выпустил гранату из ладони точно над центром жерла кяриза. Мы отскочили за стену. Бух-бух! Гулко охнуло подземелье, и следом за эхом вверх взметнулись на излете осколки. Если их выбросило даже сюда, то и духам досталось. Не хочется смотреть вниз: есть шанс получить оттуда в лицо очередь. Я вообще не люблю разглядывать, что там, в глубине кяриза. Сооружения, конечно, занятно сделаны. Строились многие века. В мирное время в иной ситуации я бы их исследовал, но только не сейчас.

Юрка проколот дырки в дымовой мине, вставил запал, дернул за шнур дымовую гранату и швырнул вниз. Через пару минут клубы черного и белого дымов поднялись до уровня края колодца, который напоминал проснувшийся вулкан.

– Юрик! Возьмите доски, вон ту рогожу и прикройте выход! А то мы задохнемся от этой дряни! – заорал на сержанта спустившийся с крыши Бодунов.

– Нам вонь мешает, а представляешь, какой кайф ловят в штольнях духи! – засмеялся я, похлопав по плечу прапорщика. – Даже вошки и блохи на них подохнут! Вместе с хозяевами! Игорек, все, что есть, дымовые гранаты в подвал и в колодцы, может, вытравим их, как крыс. Оставим без воздуха. И над выходом растяжки надо поставить, а то ночью какая-нибудь сволочь полуживая вылезет и нас порежет.

Не торопясь мы опять осмотрели окрестности. Добавили новых подарков для обитателей подземелья, да так много, что от стелящихся по виноградникам дымов и самим дышать стало нечем.

– Где замполит? – услышал я крик радиста.

– Тут я! Чего нужно? – отозвался я, высовываясь из десантного отделения, где лежал, переваривая сытный обед, дремал, прячась от полуденного зноя.

– Ротный вызывает на связь!

– Ох-хо. Что ему не спится? Давай наушники.

Я взял радиостанцию и пробормотал:

– Слушает «Анкер-300».

– Молодец, что слушаешь. Храпишь, наверное, как сивый мерин? – насмешливо спросил Сбитнев.

– Зачем так, открытым текстом на весь эфир? Тем более что обвиняешь голословно. Нет, не сплю, беседую с бойцами, – ответил я, окончательно очнувшись от сна.

– Хватит болтать с пулеметчиками. Садись быстрее на броню и мчись пулей ко мне!

Вот черт, не даст отдохнуть! Садись, езжай! А зачем – не сказал! Не вздремнуть, не отдохнуть, не расслабиться.

– Зибоев! Бери пулемет и забирайся на бээмпэшку. Будешь меня охранять. Лебедков, заводите машину! – скомандовал я сержанту.

– Понял вас, командир! Вещи с собой брать? – поинтересовался Лебедков.

– Нет! Скорее всего, быстро вернемся. Это ротному что-то в голову взбрело! – Я потянулся до хруста в костях и крикнул Бодунову: – Игорек, я уезжаю на командный пункт, без меня не скучай!

Прапорщик оторвался от прицела «Утеса», помахал рукой и вновь припал к окуляру. Он уже битый час высматривал жертву. Но никак не мог найти затаившихся врагов в сплошной зеленой массе. Скорее сам дождется ответной пули снайпера.

– Игорь, хватит изображать хищника, схлопочешь пулю, лечить не будем. Лекарства дорогие! – сказал я, надевая нагрудник и набирая гранаты.

Бодунов помассировал шею, потряс руками, помял плечи и, перекатившись по крыше, спрыгнул вниз.

– Никифор! Ты меня бросаешь на произвол судьбы? Надолго?

– Кто ж его знает, что командиру надо!

– Нас и так только одиннадцать, а ты четверых забираешь! – проворчал взводный.

– Ты предлагаешь мне идти пешком и одному? Или согласен дать провожающим пулеметчика? – ухмыльнулся я.

– Да нет, я ничего не предлагаю. Но с двумя БМП как-то веселее, чем с одной.

– Вот и мне ехать на машине будет весело. Ничего, мы там не заночуем. Скоро вернусь. В карты я с ротным резаться не буду. Вовка – шулер! Всегда норовит обжулить, честно он просто не в состоянии играть. Наверное, донесение какое-нибудь составить и подать нужно, а сам думать и мозги напрягать не хочет. Для этого, вероятно, и вызывает.

– Да, Никифор! Насчет твоей шуточки про дороговизну лекарств: я в них не нуждаюсь и, думаю, всю жизнь покупать не придется. Год начальником медицинского склада был, для себя, детей и внуков запасы затарил.

– А спирт был? – удивился я.

– Нет! Чего не было, того не было. Был бы спирт – вы бы меня в Афгане не увидели. Я бы тогда отмазался от кадровиков! – вздохнул прапорщик. – Я, кстати, в Союз в командировку уезжаю после рейда. Вызов пришел в прокуратуру явиться.

– Какую прокуратуру? Почему раньше молчал?

– Обыкновенную, военную. Окружную. Недавно мой бывший склад сгорел, черт бы его подрал! Я уже в Афгане воевал, и на той должности после меня еще пара человек прослужили. А отчего он сгорел – непонятно, но подозревают всегда хищение. Теперь следствие идет, а я фигурант. Сказать о повестке никак не решался. Честно говоря, складу сам Бог велел загореться. Ах! Жалко, что у меня до сих пор нет Красной Звезды, как у тебя, Ник! Почему я не награжден?

– А ты чаще пьяным начальству попадайся. Мы ведь как только с рейда возвращаемся, так ты в первый же вечер нажираешься и в историю какую-нибудь встречаешь. Сколько твоих наградных листов Ошурев рвал собственноручно?

– Три. Два на медаль и один на орден, – вздохнул прапорщик. – Ох как пригодился бы орден сейчас! Орденосцы первыми под амнистию попадают.

– Ты действительно много стащил добра? Признавайся!

– Да что я мог оттуда взять? До меня большая часть украдена была. Я, не желая оказаться крайним, рапорт написал и в Афган уехал. На проклятом складе лет пятнадцать один старый прохиндей обитал. Стопроцентный хохол! А я, молодой, совсем зеленый, после школы прапорщиков прибыл. Вроде имущество, как положено, принимал. А недостача оказалась на пять расстрелов! Этот гад после того, как мы днем стеллажи проверяли, ночью с бойцом-кладовщиком ящики и коробки с места на место таскал и переставлял. С караулом договаривался, вскрывал помещение и передвигал, менял местами, создавал видимость полного комплекта. Спиртом там давным-давно и не пахло. В бутылках для спирта вода оказалась! Обманул, сволочь старая! Когда я солдата на дембель провожал, он мне во всем признался. Выпили, поговорили по душам, боец и проболтался. Я, конечно, ему в морду дал, а самому – хоть вешайся! Что-то постепенно сумел списать, что-то восполнить. Осталось недостачи только на две смерт-

ных казни. Три года я мучился и решил сбежать. Нашел для замены молодого прапора и обманул его.

– Ну и при чем тут тогда ты? Он теперь, получается, стал крайним?

– Нет, – ответил Бодунов. – Вызывают тех, кто складом рулил, и одного за другим трясут. Дошла очередь и до меня. Объект сгорел три месяца назад, а я все это время хожу дрожу, запойно пью и жду, что дальше будет.

– Не потей, успокойся. Обойдется. Напишем тебе в тюрьму хорошую характеристику, медаль пришлем. Расскажем, как воюешь и под тяжестью пулеметов гнешься в горах. Сразу выпустят. Решат, что ты, сидя в тюрьме, будешь балдеть. А каторга – тут! Вернут назад в батальон без проволочек. По этапу! Ха-ха-ха! – рассмеялся я.

– Тебе смешно, а мне не очень, – вздохнул Игорь.

– Ну, не вздыхай! У тебя дома обыск был?

– Был. Квартиру и сарай перерыли, но ничего не нашли.

– Не там искали? – догадался я.

– Ага! Не там. Искали у жены в квартире, я у нее прописан, а те крохи, которые взял (как не взять, когда нет нигде ничего), у матери лежат. С женой-то я в разводе, в этом отпуске расстались.

– А чего так?

– Да надоела. Хуже горькой редьки. Ну ее.

– И с кем же ты отпуск проводил? На ком резвился?

– С кем, с кем... С ней же, со Стеллой.

– Ну ты даешь! – рассмеялся я.

– Не я, а она дает.

– Как же так, а говоришь, разошлись?

– Чудак-человек! Я чужой, что ли? Я свой! Мы после того, как бумагу в ЗАГСе получили, пошли это дело обмывать, – продолжил рассказ Бодунов.

– А почему в ЗАГСе разводили?

– Детей не завели, не успели, оба согласны на развод, поэтому все прошло быстро, без суда. И ей жить удобно. Пока я тут загораю, она вроде свободна и мужу не изменяет. Независимая, честная женщина. Развлекаться может сколько угодно. И мне хорошо, и я – вольный казак. Пошли мы с ней отметить изменение в семейном положении. Обмыли, потом внезапно обоим захотелось любви. Я говорю: дашь? Она в ответ – дам. Так и провели месяц. Что мне болтаться, кого-то искать? Когда проверенная подруга есть под боком. Да и квартира у нас маленькая, однокомнатная. Кровать одна, общая. Куда деваться?

– А дальше? – спросил я.

– Что дальше? Кино, танцы, пляж, пиво, вино и все та же испытанная общая кровать.

– Ну и зачем разводился-то? – опять непонимающе переспросил я.

– А хрен его знает! Надоела! – отмахнулся Игорь.

– И опять каждый день на Стеллу? Надоела, называется! – улыбнулся я.

– Развелся от нечего делать, потому что так захотелось.

– Чудак. Можно сказать, балбес!

– Можно и так сказать. А можно и грубее. Несерьезный я человек, – грустно подытожил Бодунов.

– А дальше что делать будете? После войны?

– Может, снова поженимся. Баба она неплохая, симпатичная, хозяйственная. Видно будет, как дальше жизнь пойдет. Для начала вернуться живым нужно! Зеленка, видишь, впереди какая суровая! Безбрежная и бескрайняя! И духов в ней не перечесть. Что судьбой предначертано – никто не знает. Сегодня не стреляют, а завтра пули да осколки засвистят вокруг.

– Ну ладно, ладно! Не грусти, поешь виноград, говорят, для мозгов сладкое полезно. Особенно тебе!

– Да он кислый какой-то! Дрянь. Только на брагу годится.

– Поищи и найдешь сладкий. Ладно. Не журысь, казак! Все будет хорошо! Поехал я. Не то наше ротное начальство обидится и рассердится.

Бронемашина, медленно покачиваясь на земляных грядках и межах, ползла по винограднику, перемалывая гусеницами стоящую рядами лозу. Плетки трещали и скрипели под натиском тяжелого металла, тормозя движение, тянулись следом, оплетали траки и колеса, но все же обрывались, не выдерживая напора стального зверя. Но даже машина не смогла прорваться сквозь тройной ряд изгороди. Большой моток проволоки опутал гусеницу, и мы остановились.

Рахмонов тяжело вздохнул, вылез из-за рычагов и скомандовал наводчику:

– Скляр! Вылезь, помогать будешь. Застряли.

– Быстрее солдат, быстрее, – прикрикнул я на бойца. – Мы что мишенью торчать будем?

В эту минуту раздалась очередь из густого сада, и пули засвистели совсем рядом. Сидящие на броне посыпались на землю, как грибы из лукошка.

– Зибоев! Ты чего пулемет бросил? – заорал я на солдата. – Залазь обратно, стягивай пулемет вниз и лупи сквозь виноградник! Больше огня, больше шума!

Наводчик-оператор повернул башню и полоснул из пушки короткой очередью по кустарнику.

– Куда стрелять-то?! Никого не вижу! – завопил наводчик из башни.

Напрягая легкие, чтобы перекричать работающий на холостых оборотах двигатель, я проорал ему:

– Солдат, видишь четыре орешника?

– Те, что справа растут?

– Да! Вот туда и расстреляй ленту! Кажется, оттуда били!

Бум-бум-бум!!! Застучала пушка, и очереди 30-миллиметровых снарядов отправились искать свою жертву. Тр-р-р!!! Духи не желали отступать и отстреливались. Главное, чтобы у них не было гранатомета. Сожгут машину, гады! Та-та-та!!! Вновь просвистели пули над нами.

Зибоев перебросил с руки на руку для удобства тяжелый пулемет, повесил его на ремень и выпустил длинную-длинную очередь.

Я расстрелял четвертый магазин и понял: пора вызывать подмогу. Только собрался лезть на башню к радиостанции, как обстрел со стороны духов прекратился. Наступила напряженная тишина.

– Товарищ лейтенант! Я выдернул эту дурацкую проволоку из гусениц, можно двигаться, – обрадовал нас Рахмонов.

– Заползай в люк и вперед! Бойцы, на машину! Быстро! – приказал я, и машина осторожно двинулась к орешнику.

Со стороны командного пункта роты мчалась БМП, облепленная пехотой. На полпути к обстрелянной рошце мы встретились. Пехота спешила и попряталась в винограднике. Мы с ротным упали в одну канаву.

– Что тут случилось? – поинтересовался Володя. – Бойцы целы?

– Солдат не задело, а почему про меня не спрашиваешь?

– Что с тобой станет – «Кошечем Бессмертным».

– Радует твоя уверенность в моей неуязвимости! Три-четыре духа долбили вот из-за тех деревьев и развалин. Мы им ответили, как смогли. Теперь они спрятались – молчат.

– Машины в линию, пехота сзади, вперед к рошце! Броня, непрерывный огонь! Пехота, бл... не спать, стрелять! – скомандовал ротный.

Через пять минут мы проверяли место, где была засада. Трупов нет, но следов крови уходящих в кяризы духов достаточно много.

– Уползли, гаденыши! – сказал Володя и выругался витиеватым матом. – Никифор, у тебя на машине остались дымовые мины?

– Есть, наверное. Сейчас спрошу. Лебедков, дымовухи не закончились?

– Последние, четыре штуки, – ответил сержант.

– Давай одну сюда в кяриз, а другую вон в тот старый колодец. Дыры нужно закрыть чем-нибудь, чтоб наружу дым не выходил и остался внутри.

Солдаты занялись делом, а мы с Володиёй присели под деревом.

– Чего вызывал? – спросил я.

– Задачу уточнить тебе хотел. От домов до дороги приказано территорию очистить и вытоптать. Чтобы пространство хорошо просматривалось проходящими колоннами. Сломать и разрушить дувалы, взорвать развалины, спилить деревья и задавить виноградники.

– Нормальненько! Тут работенки – на месяц! – возмутился я.

– Да нет, брат, на три дня! Не спи, работай. Сроки ограничены. И осторожней! Пусть сначала впереди саперы по винограднику ползают, противопехотки ищут. Пешком меньше бродить надо, кустарник машинами давить. Позже приедут дивизионные саперы и взорвут хибары. Сейчас у Ветишина танк поля утюжит, давит лозу, потом ко мне поедет трудиться. Ну, а когда у нас справится, пришлю его сюда.

– Спасибо за задачу! – ответил я.

– Пожалуйста. Но благодарность не ко мне, а к командиру дивизии. Я теперь даже в карты не играю, деревья лично топором подрубаю.

Четвертый день войска топтали поля и виноградники. С восхода до заката танки и БМП утюжили местность, превращая ее в лунный ландшафт.

Солдаты пилили и рубили яблони, груши, айву, орешник. Деревья в два обхвата подрывали пластидом, чтобы долго не мучиться. Подошедший на подмогу тягач заваливал массивные заборы-дувалы. Постепенно мы отвоевывали жизненное пространство для построения социализма в средневековом обществе. Дорога стала хорошо просматриваться через оставшийся реденький кустарник. Но работы еще оставалось непочатый край. Лоза цеплялась за гусеницы, наматывалась вокруг катков, скручивалась в длинный шлейф и тянулась толстыми кишками позади машин.

Бодунов и я по очереди садились на башню и командовали механиком, который укатывал кустарник. Пыль, гарь, мошकारа забивались в глаза и рот через накиннутый на лицо капюшон маскхалата. Природа сопротивлялась и боролась за свое существование, словно живой организм. Крупные грозди винограда с хлопаньем разлетались в разные стороны, скрип лозы напоминал стоны. Жалко, но что делать. Отсюда духи ежедневно сеют смерть. Тут их неприступная крепость, убежище, дом родной.

Время от времени то под гусеницами танка, то под моей БМП раздавались громкие хлопки, и я инстинктивно вжимался в броню. Это взрывались противопехотные мины и гранаты на растяжках, не причиняя, к счастью, вреда. Главное – не наскочить на противотанковую мину. Но что ей делать в поле? Ее место на автомобильной дороге. Фугасы обычно закапывают вблизи асфальта. А тут только растяжки, нацеленные для уничтожения пехоты.

Солдаты день и ночь мучились больными животами. Причина простая: виноград на завтрак, обед и ужин. Да и ночью на посту, что можно пожевать от скуки? Грязными руками отправляли в рот пыльные немые плоды. А где их мыть? В мутном арыке? Там сплошь тиф и гепатит.

Народ обнаглел и заелся до такой степени, что отбирал лишь самые крупные и сочные виноградины, а остальные выбрасывал. Зеленая масса хлюпала под ногами. Кроссовки покрылись сладкой оболочкой, превратившись в приманку для пчел и ос. Бойцы порой даже руки мыли виноградом.

Нам – раздолье, а местным дехканам – горе и слезы. Виноград, конопля и опиумный мак – единственные средства к существованию. На время сбора урожая духи даже прекращают вести боевые действия и провоцировать наши войска. Старейшины спешат многочисленными делегациями к командованию, умоляя не стрелять, не проводить крупномасштабные операции. Наступает негласное перемирие.

На этот раз мы пришли раньше сбора урожая, и убирать после нас, скорее всего, будет нечего.

– Замполит! – заорал техник Федарович. – Ну сколько можно издеваться над машиной? Вы с Бодуновым хотя бы меняли бронемашину, а то все одну и ту же гоняете. Сожжете к черту бортовую передачу и фрикцион. Вам-то что, наездникам, слезли и наплевать! А я, старый хрен, опять буду крайним. Вернется из отпуска комбат и примется орать, что технику загубили! Подорожник ведь не спросит, кто именно машину заездил.

– Тимоха! Я же не для удовольствия катаюсь верхом на железяке. Знаешь сам, таков приказ комдива! Мне бы лучше у костра дремать и на огонь смотреть, наслаждаться дымком и ароматом жареных цыплят, – возразил я прапорщику – Садись на мое место и катайся.

– У меня другие дела, – ответил прапорщик. – Сейчас поеду в первый взвод. Там что-то случилось. Кажется, двигатель перегрелся. Убью и механика, и взводного.

– Ну-ну! Я думаю, Серж Острогин тебя, словно мамонт, затопчет и не заметит. Справишься, если только сверху камень ему на голову уронишь! А так, можешь разве что из-за угла материть и надеяться на свои быстрые ноги. Но, как спринтер, ты тоже слабоват. Лишь одно есть единоборство, в котором можно победить Серегу: перепить его! Тут ты – чемпион роты. Даже Игорь Бодунов со своей шахтерской закалкой спасует.

– Что вы ко мне привязались! Алкашом роты назначили! – возмутился Федарович.

– Никто тебя не назначал, сам вызвался. Ты и сейчас уже где-то браги выпил. Ладно, старый, не обижайся, – похлопал я примирительно по плечу прапорщика.

– А если обидишься, то я буду тебя воспитывать, помогу замполиту, – угрожающе пообещал вклинившийся в разговор Бодунов, поднося пудовый кулак к носу Тимофея.

– Воспитатели хреновы! – обиделся техник. – Когда загубите какой-нибудь агрегат, сами его и чините. – Отвозмушавшись, прапорщик забрался на броню и уехал.

По широкому двору бродили куры, роясь в пыли и навозе, а в двадцати шагах, спрятавшись за кучей мусора, лежал сержант Постников и тщательно целился.

– Бах! – И одна из кур, громко кудахтая, с перебитой лапой упала на землю.

– Бах! – Вторая запрыгала с перебитой ножкой.

– Бах! – Третьей курице пуля попала в голову, разнесла ее, и туловище, пробежав шагов пять, упало замертво.

Остальные птицы, хлопая крыльями, разбежались кто куда.

– Ну вот, на жаркое мясо закуплено! – обрадованно воскликнул Бодунов. – Сейчас отдам Зибоеву, пусть готовит. Смотри, лейтенант, какого я замечательного снайпера вырастил! Из пулемета стреляет, как на скрипке играет!

– Ты сравнил. Еще скажи, Николо Паганини! Пулеметно-скрипичных дел мастер, – усмехнулся я.

– Да! Мастер. Любую мишень покажи в наших джунглях, он тебе ее из «Утеса» в клочья разнесет! Талант!

– Нужно будет его натаскать, чтоб солдатами командовал и твоим замом сделать. А Мурзаилову следует звание присвоить и отправить сержантом во второй взвод. Пусть в чувство приводит исламское братство, – размышлял я вслух.

– Узбеки взвоят. У него не забалуешь. Кулачища-то, как у молотобойца и шуток не понимает, – улыбнулся Бодунов. – Они шелковыми вмиг станут!

– Не жалко будет отдавать?

– Нет! Хороших бойцов растить и выдвигать не жалко, да у меня и остальные как на подбор. Орлы! Гвардейцы!

Доломав придорожные кишлаки, заминировав кяризы и подорвав подозрительные развалины, взвода и роты теперь выползли на шоссе.

Жмущиеся к обочине афганцы с ужасом смотрели на результаты нашего вторжения в зеленку. Они тревожно переговаривались между собой, видимо, переживали. Детишки шумно возились в пыли, а женщины, закутанные в одежды с головы до пят, безмолвно сидели застывшими разноцветными столбиками. Паранджа на лице, тюк с вещами на голове, другой тюк в ногах. Рабыни... Конечно, в понимании цивилизованного человека. Однако вот пришли цивилизованные люди и разрушили их родные трущобы...

Операция закончилась успешно. Потерь нет. Теперь домой! Мыться, бриться, читать письма, возможно, целую неделю спать в чистой постели. До новых боевых.

К нашей колонне техники подошел батальон союзников, и афганский офицер спросил разрешения добраться до дороги вместе с нами. Ахматов и Губин посоветовались, решили подбросить союзников. Жалко, что ли? Пусть едут. Главное, чтоб не сперли чего-нибудь!

Афганцы, весело болтая, забирались на технику, облепив броню как саранча. Вначале «сарбос» забрасывал торбу с вещами, мешок, чайник или какую-нибудь коробку, а затем влезал с помощью товарищей в кузов и бегал по машине в поисках удобного места. Ну, точно насекомые! Одеты они были кто во что горазд. В куртки, в шинели, в бушлаты. У одного на голове чалма (это сикх), у другого – кепка, у третьего – картуз, у отдельных избранных – каски. На ногах обувь от сапог до драных тапочек и калош.

Больше всего пассажиров уселось на головной танк комбата. Роман Романыч весело покрикивал на разношерстное воинство, призывая быстрее успокоиться. За телами «царандо-евцев» было не видно брони танка. В конце концов аборигены разместились и выжидающе поглядывали на нас, надеясь на комфортабельную доставку к своим грузовикам у дороги.

Тронулись. Путь не близкий. До армейского лагеря километров тридцать, поэтому ехать лучше, чем топтать на солнцепеке.

Колонна миновала подъем, спустилась вниз к пересохшему руслу реки, вновь поднялась на вершину холма. Предстоял длинный, довольно крутой спуск. Механик, собираясь переключиться на пониженную передачу, поставил танк на нейтралку. Что-то заело в коробке передач, и маневр у него не получился.

Танкист делал перегазовку, двигатель громко ревел, а машина стремительно катилась под гору на холостом ходу. Коробка передач скрежетала, но солдату никак не удавалось включить скорость. Молодой водитель, видимо, растерялся и испугался. Танк подбрасывало на ухабах, гусеницы громко колотились по грунту и камням, броня тряслась и вибрировала. «Царандо-евцы» вначале притихли, а затем запаниковали. Они громко заверещали и принялись спрыгивать на обочину, кувыряясь при падении.

Танк, бешено стуча траками и теряя пехоту, опустился на дно оврага и начал по инерции закатываться на следующий подъем. Сидевшие на корме афганцы, видя, что скорость снизилась, спрыгнули назад в колею. Двигатель танка заглох, и машина, поднявшись до критической точки инерции, покатила обратно, давя на своем пути афганских «сарбосов». Когда танк

замер на дороге, то по пути его следования остались лежать с десятков раздавленных тел и по обочинам еще множество травмированных. В воздухе стоял гул от проклятий, воплей и хрипов раненых.

Я бросился к замершему в пыли старлею Шведову. Голова Игорька была залита кровью, посеревшее лицо перепачкано рыжей пылью. Он лежал без движения, закатив глаза. Сероиван вколол ему ампулу промедола, разрезал гимнастерку, ощупал голову, руки, ноги.

– Плохо дело! – вздохнул медик-прапорщик. – Голова разбита и, похоже, позвоночник поврежден. Бедняга Игорь, не везет так не везет. Опять сломался!

Тем временем наши санинструкторы оказывали помощь афганцам, которые становились с каждой минутой все более агрессивными. Некоторые направили на нас оружие и принялись клацать затворами. Кто-то бросился к механику, желая с ним расправиться.

Афганские офицеры начали отталкивать солдат от танка, мы решили вступить за своего парнишку. В один момент автоматы оказались направлены друг на друга. Уже нет у афганцев дружеских взглядов и улыбок. Только ненависть с их стороны, а с нашей – досада на случившееся. И горечь. Что сказать? Несчастный случай. Нелепость. Пыл «царандоевцев» охладили направленные на них пушки и наше численное превосходство. Снять напряженность и не допустить перестрелки помогли только уговоры Арамова и Мурзаилова на фарси. Хорошо, что у нас много таджиков, знающих фарси! Баха Арамов успокаивал и растаскивал в разные стороны наших солдат и «сарбосов», громко орал на аборигенов, переговаривался с афганскими командирами.

Кровавое шевелящееся человеческое месиво постепенно затихало. Люди умирали один за другим. И афганцев, и наших мы выносили совместными усилиями. Наконец афганцы, ругаясь, построились в стороне от дороги и уныло побрели пешком к шоссе. С нами ехать дальше они не пожелали. Столкновение удалось предотвратить, но вспыхнувшую неприязнь вмиг не погасишь. А как дружно мы недавно ехали! Мирно переговаривались и улыбались друг другу, всего полчаса назад...

Колонна медленно двинулась в сторону Кабула. Я сидел на башне рядом с Острогиным, мы обсуждали его любовные приключения в отпуске. Вдруг Серж громко вскрикнул и схватился за спину, привалившись к крышке люка. Я посмотрел на то место, которое он потирал, – крови нет. Но Сергей громко матерился, кривился от боли и стонал.

– Что это было, Острога? – спросил я. – Что случилось?

– Каменюку бросили или из рогатки стрельнули, гаденыши. Вон те чумазные бачата! Мы только что миновали их беснующийся выводок. Убил бы! Вот черти.

– Это они отомстили тебе за виноградники. Радуйся, что камень, а не пуля попала в позвоночник, – как мог, утешал я взводного.

– Но почему мне, а не тебе? Я – добрейший человек! Ты затоптал кустарников и деревьев два в два больше моего и еще три хибары спалил! – возмутился Серж.

– Они знают, что будущих Героев Советского Союза обижать не рекомендуется. Героев можно не любить, но ни в коем случае нельзя трогать руками. Разрешается только пылинки сдувать с погон и мух от лица отгонять! А тебя пацанята выбрали как самого фактурного, фигуристого, – весело рассмеялся я.

Сергей мстительно сказал:

– Если в следующий раз поймаю духа, то привяжу его лицом к дереву и буду устраивать показательную казнь – побитие камнями. И целью будет именно позвоночник!

* * *

После рейда освободилась должность заместителя начальника штаба батальона. Игорешу Шведова эвакуировали в Ташкент. В полку он больше не объявился. Что с ним стало – не ведомо...

Но свято место пусто не бывает. Особенно на нашем конвейере смерти. Молох войны требует новых жертв. Должность Игоря досталась прибывшему из резерва капитану Чухвастову.

Глава 2. День рождения

Началось полковое построение.

– Лейтенант Ростовцев! Лейтенант Мелешенко! – скомандовал подполковник Филатов. – Выйти из строя на десять шагов.

Ну вот! Наконец-то свершилось то, о чем говорили штабные еще до карательного похода на Баграмку. Долгожданные звездочки!

– Товарищи офицеры! Поздравляю вас с присвоением очередного звания «старший лейтенант»!

– Служу Советскому Союзу! – громко ответил я, и так же громко, словно эхо, отозвался Николаша.

Филатов крепко пожал нам руки, похлопал меня по плечу. Ощув вручил погоны, криво улыбнулся и, окинув меня недобрый взглядом, угрожающе прошипел:

– Не вздумайте напиться, организовать обмывание. Я вас обязательно сегодня проверю, и, если попадетесь, пощады не ждите!

Замполит номер один – Золотарев, изображая поздравления, что-то промямлил. Сунул свою влажную, вялую руку для рукопожатия и, кося мутными рыбьими глазами, спрятался за спиной командира. Отвратительно! Черт! Даже поздравить по-человечески не может своих подчиненных. Тюфяк!

– Кока! Какие у тебя планы на вечер? – спросил я у Мелешенко, отходя от начальства.

– Нажраться! И причем вусмерть! Всенепременно! Выбор блюд: водка, спирт, самогон! – широко улыбнулся Николай.

– Микола, а можно отметить, не нажираясь? Может, обмоем совместно? Двумя коллективами рот в офицерской столовой. Посидим тихо, прилично.

– А шо нам з вами сидать? У тебя самогон е?

– Нет, – искренне сожалея, ответил я.

– Во! Ник! А у меня, как у разумного хлопца, три литра приготовлено. И бражку старшина зробил з винограду! Шо нам з вами, нищетою, делиться прикажешь? Хвосты обрубаем! Вы же в первой роте очень умные и правильные, через одного графы и князья. Давитесь коньяком.

– Пошли вы, куркули, к черту! Я и не думал к вам на халяву приходить. Хотел скинуться на спиртное, но раз ты так – мы люди гордые, на поклон не пойдем. Обойдемся! – отрезал я.

Мы зашагали под оркестровый марш, чеканя шаг, каждый к своей роте.

Жаль, но из-за его жлобства не получится культурного мероприятия с размахом. Опять прятаться по бытовкам и каптеркам.

– Никифор! Ура! Молодец! – схватил меня за плечи и принялся мять Ветишин. А турист Острогин начал мутузить кулачищами по плечам и спине. Следом накинулся Бодунов мять уши и шею, а Сбитнев, загадочно улыбнувшись, объявил:

– Ну вот, мы тебе преподнесли подарок на день рождения, теперь твоя очередь радовать коллектив.

– Какой это подарок? При чем тут вы? Я о старлейских звездочках уже две недели знаю, просто выписку долго везли из Баграма. Это подарок Родины и министра обороны.

– Мы сопереживали тебе! – ухмыльнулся ротный.

– Сопереживатели хреновы! Денег лучше в долг дайте! – попросил я.

– Замполит, возьми двадцать чеков и бегом в лавку за лимонадом, – рассмеялся Острогин.

– Но-но! Милейший! Я попрошу как можно почтительней. Мы теперь в звании сравнялись. А до моей должности тебе еще расти и расти! – воскликнул я.

– Это точно! До должности замполита мне как до Эвереста. Заоблачная высота, – ехидно улыбнулся Сергей. – Будешь пререкаться со старым старшим лейтенантом – денег не дам. – При этих словах Серж начал складывать купюры обратно в карман.

– Отдай чеки, скотина! – выхватил я бумажки и помчался в магазин.

– От скотины слышу! – крикнул мне вслед Острогин. – Вот так и делай доброе дело. Еще и сволочью обзовут. Ох уж эти неблагодарные замполиты!

– Сволочь, – поддержал Сержа ротный. – Рота его выращивала, тепличные условия создавала, а он никакого уважения не выказывает.

– Одно слово – гад! Смотрит без подобострастия и преданности в глазах, спину не гнет, челом не бьет. Накостыляем сегодня, наверное, – подытожил Острогин.

Я ворвался в пустой магазин. Продавщицы лениво о чем-то переговаривались и не удостоили меня даже взглядом. Королевы! Все сплошь хозяйки Медной горы. Не для нас они трудятся, мы у них только под ногами путаемся и товары мешаем по спекулятивным ценам в дуканы сплавлять.

– Здравствуйте, девушки! – громко поздоровался я.

Одна из девушек небрежно кивнула головой, а вторая даже бровью не повела.

– Сударыни, продайте, пожалуйста, упаковку лимонада! – попросил я.

– Нет, нельзя. Правила для всех одни – две баночки в одни руки! Чем ты лучше? – презрительно ответила продавщица.

– У меня сегодня знаменательная дата – двадцать пять лет и звание старшего лейтенанта получил, – попытался я убедить неприступных девушек.

– У всех каждый день даты и поводы, а потом с этими упаковками бегут в дукаан афганцам сдавать. Спекулянты! – надменно ответила Рита.

– Ах ты, каналья! Как вольняги – гражданские отовариваются каждый день, так по правилам? – возмутился я. – Продукты ящиками выносят.

– Я же сказала, лишнего ничего! Два боржома, две банки «Si-Si», по банке салата и огурчиков, шпроты. И гуляй. А еще командованию доложу, что грубишь.

– Тебя по-человечески просят, – нахмурился я.

– Клава, ну совсем одолели эти просители, – обратилась она к напарнице. – Никакой совести. Надо командиру сообщить.

– Не тебе о совести говорить, – оборвал я ее. – Если спишь с замкомандира, это не значит, что ты стала полковой королевой.

– Ах так, вообще ничего не получишь! У нас переучет. Покинь магазин! – рявкнула Клава, и обе продавщицы демонстративно ушли в подсобку.

У, заразы, подстилки! Пользуются своим постельным положением. Одна спит с Губиным, другая – с особистом, ничем их не прошибешь!

Я уныло брел по дорожке, злой и обиженный. Как унизили, дряни! Что с ними сделаешь, не витрины же бить? Шел я, шел и наткнулся на комбата. Столкнулся, можно сказать, нос к носу. Он что-то гневно выговаривал новоиспеченному майору Лонгинову по кличке Бронежилет! Лонгинов нервно мял в руках кепку, правое колено у него дергалось, а лицо постепенно покрывалось багровыми пятнами.

Я резко затормозил и хотел было дать задний ход, чтобы обойти начальство стороной, но оказался в поле бокового зрения Подорожника.

– О-о-о! Комиссар! – воскликнул он громко и начал изображать из себя Тараса Бульбу, залихватски подкручивая при этом длинный ус: – Иди сюда! А поворотись-ка, сынку, дай-ка я на тебя погляжу! Сергей Николаевич, идите и подумайте над тем, что я вам говорил, – сказал комбат, обращаясь к Лонгинову, и вновь накинулся на меня: – Экий ты смешной! В тельняшке, в кроссовках! Совсем лейтенанты распустились!

– Старший лейтенант, – поправил я его осторожно.

– Ага-а-а! Уже и старший лейтенант! О-о! Какие чудеса произошли в мое отсутствие! Я знал Ростовцева как разгильдяя и демагога, а кто-то разглядел в нем Героя Советского Союза! Могли бы и более достойного найти, хотя бы Арамова или на худой конец Жилина.

– Хотели вас, товарищ майор, а я, так получилось, перебил, перехватил. И без худого конца...

– Хамишь? – нахмурился Василий Иванович. – От рук отбились! Только приехал из Союза и сразу на отсутствие уважения нарвался! Забываешься! Зазнаешься никак?

– Нет. Вы шутите, и я шучу, – вкрадчиво ответил я, ожидая взрыва негодования.

– Во-первых, с начальством шутят только после разрешения на шутку!

– Виноват! – И я приложил руку к козырьку.

– А во-вторых, как говорил мой земляк, Тарас Бульба, я тебя породил, я тебя и убью! Кто бы мог подумать полгода назад, шо из тебя Героя станут создавать! А? В самом страшном сне во время отпуска мне такое не привиделось! То-то я думаю, отчего мне плохо спится у тещи в Ташкенте. Оказывается, сюрприз меня ждет на службе. Когда Артюхин мне сию новость сообщил, я вначале рассмеялся, думал, шутит. Потом поразмыслил на досуге и осознал глубину кризиса в батальоне. Ветераны уходят, и, кроме тебя, Героем сделать некого... Если бы я в это время находился в полку, а не в отпуске, то такого б, конечно, не случилось. В лепешку разбился бы, но Героем стал бы Баходыр. Но раз так уже случилось, то и соответствуй званию. Приведи себя в порядок, смени хэбэ, туфли купи новые, брейся каждый день, тельняшку старую, дырявую сними. Теперь от меня пощады тем более не жди! Образец для подражания! Ха! – Подорожник, хмыкнув, отошел к стоящим в сторонке и ждущим аудиенции заместителям.

Радуюсь, что комбат от меня отцепился, я широкими прыжками помчался в казарму.

– Где колониальные товары? – встретил меня в дверях канцелярии возмущенный Острогин. – Я ему денег выделил, а он до коллектива ничего не донес! Куда девал еду?

– Никуда я ничего не дел. Не продали.

– Как это так?

– Я хотел взять упаковку «Si-Si», меня обозвали спекулянтом, ну я и обругал торгашек подстилками. Они обиделись и закрылись, – ответил я.

– Тьфу, черт! Ничего замполитам поручить нельзя! – возмутился Сбитнев. – С женщинами нужно ласково, по-доброму! Подход необходим! Такт!

– Ежели ты такой умный и тактичный, то иди и купи все, что нужно. – Я сунул чеки в руку командиру роты и, насупившись, принялся писать в многочисленных тетрадах и журналах данные за последний месяц.

Володя вернулся через час. Ворвался в канцелярию багровый от возмущения и потный, как после марафона.

– Вовка! Ты что, целый час на продавщицах скакал? – хохотнул Острогин. – Весь в пене и мыле!

– Ник! Ты почему не предупредил, что Подорожник в полк вернулся? – заорал с порога командир.

– А никто и не спрашивал, – ухмыльнулся я и сделал смелое предположение: – Наверное, не Вовка на девчатах резвился, а комбат на нем. Он вначале трахнул Лонгинова, затем меня, а на десерт, очевидно, Володя попался.

– Ты, Никифор, сам у меня десертом будешь. Мало того что я унижаюсь перед девками, оправдываюсь из-за тебя, теперь еще и от Чапая по полной программе схлопотал. И за твой внешний вид, и за Героя, и за шуточки. Свалился на мою голову героический подарочек.

– А чем не нравится подарочек-то? – улыбаясь, возразил я. – Еще автографы будете просить и разрешение сфотографироваться вместе на память.

– О! Этого добра у нас и без всяких просьб завались. Твоя физиономия присутствует на каждой фотографии, – пискнул из дальнего угла Ветишин.

– А будешь плохо себя вести, настучим по твоей вывеске, и станешь нефотогеничен, фотографироваться больше не сможешь, – пообещал Острогин.

– Серж! Тебе после таких слов автограф дам не менее чем за ящик боржоми. Кстати, где наша обещанная упаковка лимонада? Кто говорил, что я должен учиться такту у командира роты? – воскликнул я, укоризненно глядя на ротного.

Сбитнев молча достал из пакета по две банки «Si-Si» и минералки, банки с салатами, овощами, мясные и рыбные консервы.

– Жрите, гады, пользуйтесь моей добротой! – мрачно произнес Володя.

– Хорошо быть добреньким за чужой счет, – обиделся Острогин, пытаясь напомнить, за чей счет банкет.

– Эх ты, горе-наставник, неудачник! Такой убогий набор и я бы принес, и без ругани с этими суками, – поддержал я недовольство Сергея.

– Жрите, что дают! Ты испортил отношения с торговлей до такой степени, что роте скоро и сборник речей со съездов партии не продадут. Точно. А уж он наверняка понадобится для проведения политзанятий! – под дружный смех офицеров продолжал язвить Сбитнев.

– Ник! Чего они подкалывают именинника? – притворно возмутился Бодунов. – Дай им по физиономиям. А я тебя поддержу! Одни негодяи вокруг! В отпуск не отправляют, старшего прапорщика не дают, бумаги на орден вернули! Только замполит – душа-человек.

– Мы будем пировать или нет? – подал голос Ветишин. – Неужели не прекратим насмехаться друг над другом?

– Будем есть! – ответил я. – Налетай на дармовое, точнее, на острогинское! Хороший человек наш граф-графин!

– Наконец-то помянули меня добрым словом, – обрадовался Серж.

Банки-баночки и бутылки-бутылочки с шумом, скрежетом, треском мигом раскрылись. Их содержимое забулькало, захрустело и в один момент исчезло в желудках.

– Уф-ф! Хорошо! – выдохнул, насытившись, Ветишин. – Что бы мы делали без тебя, Серж?

– Вот-вот, сукины дети. Помните о благодетеле! – воскликнул Острогин.

– Слышь, благодетель! А шампанское, коньяк и сухое вино организуешь? Или слабо? – поинтересовался я. – Ты ведь обещал через посольство достать!

– Опять за мой счет! – В голосе Сержа звучало благородное негодование.

– Да нет, я сейчас пойду у начфина получку вперед попрошу, – успокоил я взводного.

– Беги получай деньги, организуй транспорт, остальное – мои заботы, – жмурясь, как сытый кот, произнес Острогин.

– Уже убежал, – сказал я и вскочил со стула.

– А командира как будто тут и нет! Для приличия разрешения, может, спросите? Отвечать за вас ведь мне придется! – рассердился Сбитнев.

– Спрашиваем разрешения! – произнес я с напускным подобострастием.

– Ну, так и быть, езжайте! – смиловился ротный.

– Вот спасибо, дорогой! – улыбнулся Острогин. – Век не забудем.

– Интересно, а отчего Лонгинова комбат сегодня драл, как Сидорову козу? – задал я риторический вопрос сам себе. – Меня и Сбитнева – понятно, для порядка и из неприязни. А Бронежилета?

– Как это за что? – откликнулся вошедший командир взвода связи Хмурцев, услышав мой вопрос. – Как за что? А за все! По моему науськиванию. Я настучал! Мало орать – морду бить надо. Если б был уверен, что справлюсь один на один, так и сделал бы. Но больно здоров, скотина!

– А что случилось? – заинтересовался Сбитнев.

– Вчера на марше двигатель на машине греться начал. Я скомандовал Вовке-механику, чтоб тот остановился, сбросил обороты, открыл ребристый лист и постоял немного. Лонгинов вмешался – самый умный ведь! Минут пять прошло, командует механику: «Открывай крышку радиатора, воды доливай». Я останавливаю: мол, двигатель еще не остыл, ошпарится. А Бронежилет орет, что надо быстрее догонять колонну. Погребняк, солдат молодой, испугался, растерялся, крышку открыл, паром лицо и руки ошпарил. Я к нему на помощь бросился и вот тоже ладонь обжег. – Вадик показал перевязанную кисть и продолжил: – Хорошо, что у бойца глаза целы остались. Вовку в госпиталь отвезли: сильные ожоги. Машину – в ремонт. Подорожник вне себя от злости. Лонгинов его земляка загубил, а Иваныч только что гостил у родителей этого бойца. Нет, Семен – гад, точно в таблю от меня получит! Настроение будет, я ему этот случай припомню. Сверну его длинный «клюв» на бок.

– Правильно! – поддержал я Вадика. – Если бить, то только в шнобель. Он ведь не только бронежилет ходячий, но и бронеголовый, каску почти не снимает. И надет ли на нем броник под хэбэ, не поймешь. Не дай бог, руку об броню сломаешь. Бронежилет – он и есть Бронежилет. Кличка верная на сто процентов, – закончил я обсуждение Лонгинова под смех офицеров.

На санитарной машине мы выехали в Кабул на экскурсию. Я уговорил врача Сашку Пережогина заехать к советскому посольству, сделать небольшой крюк.

– Нужно потом за вами возвращаться? – поинтересовался лейтенант-медик.

– Конечно! Мы что, пешком пойдем? Если нам головы отрежут, тебе доставит удовольствие их пришивать? – спросил Острогин.

– Нет, что вы. Конечно, нет! – замахал руками лейтенант.

– Тогда заberi, не забудь! – похлопал я Пережогина по плечу, вылезая из уазика.

Я второй раз оказался возле советского посольства. Впервые был здесь ровно год назад. Впрочем, ничего не изменилось за это время. Та же стена, та же БРДМ. Афганские «сарбосы» в блиндаже у ворот, наши солдаты за забором. До стены – Азия и средневековые, за ней – тоже Азия, но современная, советская. Что ж, подышим воздухом Отечества. На территорию Родины нас, к глубокому сожалению, не пускали. Рылом не вышли. Много тут таких вояк вокруг болтается. «Натопчут и еще что-нибудь стащат» – так, наверное, мыслят дипломаты.

Мимо снуют машины, ходят горожане. На каждой женщине чадра и паранджа разных цветовых гамм. Что-то эти цвета означают, но что – не знаю. Говорят, по ним можно определить возраст и национальность женщины, что в этом «скафандре» бредет. Может быть, врут. Не поймешь. Чужая культура, иной уклад жизни.

Множество вооруженных аборигенов в форме и в штатском шли по дороге, ехали на машинах. Одни были из госбезопасности, другие – военные или милиция, а третьи – черт знает кто! В халатах, чалмах, галошах на босу ногу и с автоматами. Но никто их не задерживает, не разоружает. Почему мужик идет с оружием? Поставить бы к стене или мордой в пыль положить да допросить...

Следом за каждым мужичком семенит вереница женщин с замотанными до глаз лицами. Тюк в руке, сверточек на голове, детишки за халат держатся. Идет несчастное существо, укутанное в халаты, платки и прочие тряпки, захочет нужду справить, присядет на дороге, сделает свое дело, встанет и дальше идет. Местные мужики на заборы и деревья не мочатся стоя. Они присаживаются на колени, лицом к дувалу, и справляют нужду. Чудно...

Как нам их понять? Мы даже в этом разные...

Сергей подошел к будке, где сидел мужик в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, в рубашке и галстукe, несмотря на жару, но по роже видно – прапорщик. За те деньги, что тут

платят, можно и в шубе помучиться. Гэбист кивнул головой на телефон на стене. Острогин позвонил, ему ответили и пропустили. Меня и Сережку Ветишина – нет. Мы остались за пределами посольской цивилизации. Время текло медленно. Под палящими лучами оно казалось бесконечно долгим.

Через три часа приехала «таблетка». Пережогин заметно нервничал, озираясь по сторонам. Минут через пятнадцать врачу надоело ожидание:

– Ребята, или уезжаем сейчас все вместе, или я один отчаливаю. Сколько можно ждать вашего друга?

– Секунду! Сейчас Сержа вызову! – забеспокоился я, испугавшись перспективы добираться в полк самостоятельно, на попытках.

Забежав на КПП, я спросил, как можно вызвать дядю нашего Сержа. Точнее, самого Сергея. Охранник нехотя позвонил куда-то и передал мне трубку в отверстие заградительного щитка из толстого стекла. Незнакомый голос сообщил, что Острогин уже ушел. И правда, через минуту на пороге нарисовался Сергей с большими сумками в руках.

– Ну сколько можно болтать? Забыл, что мы выехали на часок, а шарахаемся больше трех! Медик хочет бросить нас тут и уехать! Бежим! – прорычал я.

Едва мы заскочили в «таблетку», как машина вихрем помчалась по улицам Кабула. Лейтенант нервно теребил ремень на автомате и настороженно озирался по сторонам. Новичок! Мы сидели, крепко вцепившись в откидные сиденья, стараясь не слететь на пол на крутых поворотах. Водитель беспрестанно сигналил, разгоняя толпы перебегающих дорогу пешеходов. Тротуаров, как таковых, не было совсем. Вдоль шоссе жались друг к другу дуканы, лавочки, чайханы, лагманные.

Вот продают на вес дрова. Выглядит довольно забавно: столб, к которому привязано коромысло с веревками, а на них болтаются широкие неглубокие тазы. В один тазик кладется гиря, в другой – поленья. Продажа дров на вес для меня, сибиряка, – огромное потрясение. В нашей забайкальской и сибирской тайге гниют и сгорают ежегодно миллионы кубометров древесины. А тут приходит человек и покупает пять килограммов дров, заплатив огромные деньги.

Едем дальше. Проехали мясную лавку, в которой на крючьях висят туши коз, овец, коров. Свинины, конечно, не встретишь. Животных забивают у входа или на заднем дворе. Тут же обдирается шкура, разделяется туша, а мясо сразу развешивается. Вокруг мяса и требухи летают мириады мух, ос и шершней. Рядом притулился магазин с колониальными товарами из Японии, Кореи, Тайваня и Гонконга. Миновали чайхану с низкими столиками, стоящими на коврах, стульев и скамеек нет.

В Кабуле благодаря общению с советскими специалистами – советниками, военными – появились афганцы-алкаши. Лет пять назад такого явления даже теоретически не могло быть, а теперь уже никто не удивляется...

Автобусы и такси, снующие по дорогам, облеплены столь густо, что люди сидят даже на крышах. На каждой подножке, держась за поручни, висят человека по четыре. Такси едут с открытыми багажниками, в которых тоже едут пассажиры. Это даже забавно. Чудной мир, странный уклад жизни. Мы для них пришельцы из неведомых миров, но и они для нас – инопланетяне.

– Орлы, вы куда запропастились? – встретил нас недовольный Сбитнев.

– Володя, спокойнее, не волнуйся, а то вставную челюсть потеряешь, – улыбнулся я.

– Не хами, не посмотрю, что без пяти минут Герой, дам в рыло и объявлю выговор за самовольное оставление части.

– Как так, «за самовольное»? Серж, ты погляди, сам отпустил в надежде на дармовую выпивку, а теперь права качает! – возмутился я.

– Да тут комбат бегают, тебя ищет. Что-то надо в штабе опять заполнять. Я сегодня уже три раза написал на тебя служебную характеристику, штабные каждый раз вносят дополнения и поправки. Устал переписывать, а ты говоришь, дармовая! – воскликнул Сбитнев.

– Володя, мне кажется, максимум, что ты сделал, – сунул листы бумаги Фадееву. Дал ему подзатыльник, заставил писать и сочинять, – рассмеялся я.

– Нет, ты, как всегда, неправ! Я еще и диктовал!

– Вот! Так и думал, что ты лично не накарябал ни строчки!

– Нет, нацарапал! Подписи везде поставил и число! С тебя за это коньяк. Скажи спасибо, что не за каждую закорючку, а за все оптом, – широко улыбнулся искалеченной челюстью Володя.

– Спасибо! За это дам золотую звездочку в руках подержать! Может быть! – улыбнулся я.

– Вот и старайся для него после этого! Привезли чего вкусного или впустую съездили? – облизнулся с надеждой в глазах ротный.

– Привезли! Полный джентльменский набор. Одна бутылка водки, одна коньяка, две шампанского, четыре пузыря сухого, – радостно отрапортовал Острогин.

– Тьфу ты, черт! Посылай вас после этого в лавку. Сухое... Шампанское!.. Дураки какие-то! Недотепы.

– Сам дурак, – обиделся Острогин.

– Знаешь, что это за вино, Володя? Саперави! Гаурджани! Цинандали! Шампанское «Брют»! – восторженно перечислил я.

– Ты пойдй попробуй найти «Брют» в России! А вино? Ты где-нибудь встречал такую карту вин? – кипятился Острогин.

– Моча! На две бутылки водки купили шесть флаконов газировки! Что пить будем? Лучше Бодунова отправил бы в дуكان! – в сердцах воскликнул ротный.

– Ой, балбес! Ты знаешь, сколько шампанское стоит в Кабуле? Семьдесят чеков! А в посольстве продают по пять! Коммунизм! – продолжил разъяснительную работу Острогин, удивляясь, что его старания не оценены.

– Мне дипломатом служить нельзя. И Бодунову с Федоровичем тоже. Мы ведь цинандалями баловаться не стали бы! Только любимая и родная водочка. Настоящий русский напиток для русского человека. А насчет твоей, Серж, национальности и замполитовской я сильно сомневаюсь. Какие-то французы. Только почему-то не картавите и не грассируете на букве «эр».

– Эх, Вова! Мы просто гурманы и ценители прекрасного, – заулыбался я. – А ты – серость вологодская. Лаптем щи хлебал и молился колесу. Послужишь с нами, приобщись к культуре. У тебя еще целая жизнь впереди.

В дверь громко постучали, и в канцелярию вошел старший механик роты Кречетов. Широко улыбаясь, сержант доложил ротному:

– Товарищ старший лейтенант, броня из парка боевых машин прибыла. Докладывает младший сержант Кречетов! Владимир Петрович!

– Так-так! – шумно вдохнул воздух носом Сбитнев. – Владимир Петрович, говоришь? Хорош, хорош! Замполит, а ну-ка пригласи сюда остальных недостойных представителей нашей славной роты. Посмотрим на голубчиков. Этот определенно пьян!

Глаза сержанта озорно блеснули и были какие-то шальные. Личико розовое, как у молодого поросенка, но пахло от него не молоком, а чем-то кисло-сладким. Я обнюхал сержанта и сделал заключение:

– Бражка! Определенно свеженький брагульник! Замострячили где-то, каналы!

– Ветишин и Бодунов, ступайте в парк, разыщите техника. Переройте все! Пока не найдете брагу, обратно не возвращайтесь. Мы же, вас дожидаясь, с молодыми людьми побеседуем.

Я загнал оставшихся пятнадцать человек в нашу каморку. В канцелярии моментально стало душно до тошноты.

– «Мазута», вы охренели от легкой жизни, что ли? – начал свою речь Сбитнев. – Пьянствуем, делать больше нечего? Техника обслужена, россыпь патронов и снарядов сдана? Машины заправлены?

– Так точно! – еще более заплетающимся языком ответил Кречетов. – Сделано как положено.

– И вы на радостях наеб...сь! – сделал я вывод.

– Как можно? Мы не пили! – И Ткаченко преданно посмотрел мне в глаза.

– Ни грамма! – подтвердил Сидорчук.

– В первой роте не пьют! – взвизгнул Тишанский.

– Мусулмане нэ пьют, – пискнул, блестя глазками, Рахмонов.

Все солдаты загалдели, каждый пытался выразить свое возмущение.

– Заткнуться! – рявкнул Сбитнев. – Можете даже не пытаться оправдываться! В кабинете дышать от перегара нечем! В зеркало на себя полюбуйтесь. Ну и рожи!

Бойцы, продолжая что-то возмущенно бормотать, машинально взглянули в обшарпанное зеркало, висящее на стене. Некоторые пригладили волосы, некоторые ощупали свои лица. Воздух с каждой минутой становился тяжелее, гуще и приторнее.

– Застегнуться! – скомандовал Володя. – Почему верхние пуговицы и крючки расстегнуты? Подтянуть расслабленные ремни, а то драгоценное хозяйство бляхами отобьете!

Солдаты, бурча, застегнулись. Наступило гнетущее, напряженное молчание, прерываемое сопением солдат. Пот лил частыми струйками по чумазым лицам. Многих мутило, но бойцы боролись со рвотными позывами из последних сил.

– Товарищ старший лейтенант! Откройте окошко, дышать нечем! – взмолился, не выдержав, Кречетов.

– Нет! Сейчас мы приступим к написанию объяснительных записок! Все по очереди, спешить нам некуда! – насмешливо произнес ротный. – Первыми садятся и пишут Кречетов и Рахмонов.

Бам! Дверь с треском распахнулась, и в умывальник побежали двое наиболее ослабевших механиков.

Оттуда раздались громкие стоны и рычание.

Кречетов, как самый сознательный и дисциплинированный, обратился к командиру:

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите отлучиться?

– Ну иди, отлучись, – широко улыбнулся Сбитнев. – Отблюешь – уберите за собой! А затем в ленинскую комнату с ручками и бумагой!

Когда облегчившиеся солдаты собрались в моей вотчине за письменными столами, я начал воспитательный процесс. Главная задача – выведать, где же спрятана емкость с зельем под названием «брага». Нужно найти ее, пока полуфабрикат не перегнали в гораздо более опасный продукт – самогон.

В пьянстве каялись многие, но местонахождение бражки не выдавали.

– Что ж, пишем одновременно, под диктовку! Слово в слово! Вставляем только каждый свою фамилию и звание. «Я, такой-то... признаю свою вину в употреблении спиртных напитков, точнее, браги в парке боевой техники в ходе парково-хозяйственных работ. Заявляю, что я являюсь свиньей и алкашом и деградирующей личностью. Если я еще раз напьюсь, прошу командование перевести меня из механиков (наводчиков-операторов) в пехоту, носить пулемет в горы. Пусть мне будет хуже». Подпись. Дата. Сдать бумаги! Молодцы, нечего сказать! Я для чего разрешил собрать виноград и привезти его в полк? Для компота! Витамины жрать. А вы, как последние алкаши, этот десерт пустили на блевотину. Свиньи!

– Никифор, заканчивай воспитательную беседу с пьяницами, – сказал, заглядывая в дверь, Сбитнев и распорядился: – Всем взять тряпки, мастику и ведра. Проводим генеральную уборку казармы силами механиков. Остальные бойцы роты будут смотреть в клубе кино. Ваше кино закончилось вместе с последним стаканом.

Я собрал объяснительные, вернулся в канцелярию, где сидели, улыбаясь, офицеры.

– Ну что, нашли дурь? – спросил я.

– Угу! У техника на это дело нюх отменнейший. Не человек, а доберман-пинчер! «Старый» прошел вдоль ряда наших машин, потянул носом, спиртного не учуял. Двинулся к каптерке и сразу полез на крышу Там почти полную бадью браги нашел! Сыщик! – рассмеялся Ветишин. – Верхнее чутье – великая вещь! Словно у охотничьей собаки!

– Володя, а каким образом ты, не нюхая, определил, что они пьяны? – поинтересовался Острогин.

– А ты не понял? – усмехнулся Сбитнев.

– Нет.

– Он воспользовался методом дедукции Холмса! – встрял я в их диалог. – Сержант как доложил? Кречетов Владимир Петрович. Выходит, или чудит, или сильно пьян. Раньше в склонности к шуточкам с командованием боец не был замечен!

– Верно! И еще характерный блеск глаз. Он мне очень хорошо знаком, я среди алкашей все детство на Севере провел, – объяснил Володя. – Ну что, замполит, происшествие предотвратили, нарушители дисциплины наказаны, пора отдыхать?

– Правильно. Однако пить будем не в канцелярии. Пойдем к нам в комнату. Иначе получится нехорошо. Только что солдат воспитывали, а сами усядемся квасить, – заметил я.

– Будь по-твоему, уходим, – согласился командир. – Но что-то не хочется мне праздновать в нашем жилище. За стенкой обитает дорогой и любимый комбат. Услышит шум, ворвется, скандалить начнет.

– Приглашаю ко мне. В наше спальное помещение технарей он редко заглядывает, – предложил Тимофей.

– О! Это дело! Собирайте стратегическое сырье в коробку и вперед! – скомандовал, повеселев, ротный.

В маленькой душной комнатенке с одним окном стоял спертый отвратительнейший запах грязных тряпок, белья, обуви, а также мазута и солярки. Через комнату от стены к стене протянулась обвисшая веревка с прицепленными рубашками, брюками, куртками и кальсонами. В углу высилась горка нестираных носков. Прелое-перепрелое нижнее белье вперемешку с дырявыми тряпками, скомканное, валялось возле шкафа. Стол оказался уставлен пустыми бутылками, стаканами, завален сухими корками и огрызками. Пустые консервные банки были переполнены окурками. Газеты, заменяющие скатерть, усеяны жирными пятнами и размазанной закуской. Обои на стенах оборвались во многих местах и свисали, словно тряпки.

– Да! Обстановочка! – поразился Сбитнев. – Тимоха! Сколько здесь человек живет? Сотня? Надо же так постараться захлать помещение! Не жилище, а берлога!

– Шестеро. Но еще припленные ночуют, те, кто своим ходом покинуть помещение не может, – отозвался виновато техник.

– Нет, человеками тут и не пахнет. Здесь «бандерлоги» обитают какие-то! – рассмеялся Ветишин.

– Вот обласкал. «Бандерлога» какая-то! – возмутился Тимофей Федарович. – Я из-под машин не вылезаю. А после работы в наряды хожу через сутки. Помыться некогда, не то что порядок наводить. А стаканы чего ж мыть-то – водкой обеззараживаются.

– Бодунов, возьми-ка вещмешок, скидай туда бельишко из угла, отнесем механикам на ветошь. А ты, Тимоха, убирай мусор со стола да иди отчищай стаканы и вилки! – распорядился Володя. – Знал бы, куда попадем, не пошел бы!

– Видали? Побрезговал! А мы так обитаем больше года в скотских условиях! И никому дела нет, – горестно вздохнул Федарович.

– Вот именно! Обитаете! Существоете! Кто мешает жить по-человечески? Прибраться, подмести, помыть посуду, пыль протереть! – разозлился я. – К нам постоянно в комнату комиссии водят, показы делают. У нас всюду прибрано, вещи по местам расставлены, полы помыты. И почему это армейский порядок прапорщиков не касается?

– А мы от проверок комнату на засов запираем изнутри и через окно вылезаем. Никто из начальства и не попадает в наши апартаменты, – улыбнулся Бодунов.

Я открыл шкаф и увидел ящик гранат, россыпь запалов к ним и десятка четыре автоматных магазинов с патронами. Кроме того, лежали сигнальные ракеты и две «мухи».

– Фью-ю-ю! – присвистнул Острогин. – Арсенал!

– Сильно! Впечатляет! – признался Сбитнев. – Даже не прячут по чемоданам! Все на виду! А командиру роты за этот арсенал несоответствие в должности вlepит начштаба полка. Разгильдяи! Бодунов, ты в этой конуре, наверное, и АГС разместил бы, если б я оружейку не проверял?

– Да нет, сюда его тащить далеко. В роту ближе, – криво усмехнулся Игорь и неохотно взялся за веник.

С большим трудом спустя полчаса мы навели относительный порядок. Проветрили комнату, а затем залили углы одеколоном, чтобы можно было сидеть и не испытывать отвращения к окружающей обстановке.

Я выставил коллекцию напитков на стол. Серж открыл пробки и принялся вопрошать, кто что будет пить. Поглощать водку вызвались Сбитнев и прапорщики, коньяк – Халитов и Мандресов, вино и шампанское досталось мне, Острогину и Ветишину.

– Ветишин, ты чего из компании выпадаешь? – поразился Сбитнев. – Тоже перешел на «ослиную мочу»?

– Сам ты моча! – возмутился Острогин. – Алкаши несчастные, что бы вы понимали! Один замполит настоящий самелье!

– Кто я? Как ты меня обозвал? – удивился я.

– Самелье! Человек, разбирающийся в винах. Крупный специалист виноделия. Виночерпий! – разъяснил Острогин.

– Кто такой сионист, я знаю. Кто такой гомосексуалист – тоже. Слышал и про других извращенцев, но про таких, Серж, не слыхал! – подняв брови, ехидно улыбнулся Сбитнев.

– Дегенераты – пьют денатурат, алкаши – поглощают водяру и спиртягу. А истинные гурманы – дегустируют марочное вино, – оборвал его с важностью в голосе Серж.

– Марочное... Пивал, знаю. Портвейн «Кавказ», портвейн «77», плодово-ягодное, плодово-выгодное! – засмеялся Сбитнев. – Что вы сами-то понимаете в вине. Вы хотя бы представление имеете о процессе виноделия? Какое вино и как получается?

– Нет, – искренне ответил я, разливая содержимое бутылок по стаканам. – Откуда? В Сибири виноград не растет.

– Так вот, слушай, как и что делается. Залезут мужики в огромный чан с виноградом и начинают его топтать грязными ногами. Как первый сок до портов (штанов) дойдет – это портвейн. Мнут дальше: подступает сок до пояса – херес, еще чуть выше поднимется – мудера. А как он под горло давильщиков подступает – это рыгачители и рыгатэ. А что на дне останется – разливается под маркой вермут. – Рассказ Володи потонул в дружном хохоте любителей водки.

Серж выругался:

– Настроение испортили, бараны! Обозвать так волшебные, изумительные напитки – мадера, алиготэ, ркацителы. Темнота!

– Замполит, погоди! Поставь свой стакан! – приказал ротный. – Вначале мы обмоем твои звездочки! Ты уже становишься взрослым, старший лейтенант! Звезды полагается мыть водкой. Вот тебе кружка, кидаем их туда, достанешь со дна губами, выпив содержимое. А уж потом балуйся винишком за свой день рождения.

Я тяжело вздохнул, поморщился и внутренне содрогнулся, вспомнив аналогичную процедуру, проделанную два года назад. Тогда я приехал в Туркмению молодым лейтенантом и попал на экзекуцию, вступая в должность. Такая же кружка, столько же водки (причем более вонючей и ужасной). Бр-р-р!

– Давай, давай, замполит, не нарушай традиции, – поддержали все ротного.

Делать нечего. Сделав глубокий вдох, я опустошил кружку до дна и выплюнул звездочки на ладонь. В голове зашумело, в горле запершило.

– Рассолу! – рывкнул я и выпил из протянутой мне банки с нарезанным болгарским перцем четверть жидкости.

– Возьми, Никифор, закуси мяском. Ешь, дарагой, закусывай, – ворковал, накладывая тушенку в мою тарелку, старшина-азербайджанец. – Жал, нэт возможность шашлик приготовить. Тушенка – дрян! Разве это мясо? Но раз кроме нее другого нэт, кюшай дарагой, а то опьянеешь. – Резван Халитов подкладывал мне закуску, и мысли в моей голове постепенно расплывались.

– Ростовцев, а ты, между прочим, перешел в разряд «кое-что знающих», – ухмыльнулся Сбитнев.

– Поясни, – заинтересовался я.

– Объясняю. Лейтенант – это тот, кто ничего не знает. Старший лейтенант – знает кое-что. Капитан – все умеет. Майор – может показать. Подполковник – может подписать. Полковник – знает, что подписать, – разложил все по полочкам Сбитнев.

– А генерал? – спросил Ветишин.

– Генерал знает, что нужно что-то подписать, но не помнит где!

– Вот это да. Сам выдумал? – удивился молчавший до этого Мандресов.

– Нет, не я. А военная народная мудрость, – ухмыльнулся Володя. – Мудрость и опыт, накопленные годами и десятилетиями истории Советской армии.

С этими словами он прикрепил звездочки к моим тряпичным погонам на хэбэ. Я, переводя дух, уклонился от следующей рюмки и присоединился к третьему тосту за погибших. Встали, молча выпили. В дальнейшем в компании с Острогиным мы наслаждались холодным вином и шампанским. Застолье шло к завершению. Магнитофон извергал поток песен, разгорелись споры, шум постепенно усиливался. Каждый говорил о своем и не слушал соседа. Внезапно дверь кто-то сильно дернул, но она, закрытая на крепкий засов, не поддавалась. По фанерному полотну забарабанили кулаками и ногами, раздались маты и вопли комбата. Подорожник орал:

– Алкаши проклятые! Пьянчуги! Открывайте дверь, а не то замок высажу! Совсем обнаглели прапорщики! На весь полк орут, не скрываясь! Отворяйте, иначе хуже будет, когда до вас доберусь!

Мы притихли, но магнитофон выключать не стали (вроде он играет сам по себе). Комбат побесновался еще минут пять и, не услышав ничего, кроме музыки, удалился по коридору в свою комнату.

– Что делать дальше? – спросил я Сбитнева.

– Меня тянет на подвиги! Пойло кончилось, пора к теткам! В окно, за мной! – кинул клич ротный.

Володя вместе с Бодуновым принялись вырывать щеколды и задвижки, отгибать гвозди на заколоченной раме. Мы с Острогиным собрали закуску и взяли две оставшиеся бутылки вина. Федарович демонстративно, не снимая обувь, завалился на кровать.

– Тимоха! Ты что? А приключения, а подвиги? Как же бабы? – рассмеялся Ветишин.

– Я, молодой человек, достиг того возраста, когда отказ женщины радует больше, чем ее согласие. Мне и на трезвую голову тяжело, а после двух стаканов в женском модуле делать совершенно нечего. И под дулом пистолета ничего не поднимешь.

– Вот старый пес! Всю компанию портит! – осудил техника Бодунов.

– Ну и пусть валяется. Мы сейчас мусор с собой унесем, а если комбат вернется, Тимоха дверь откроет, сделает вид, что ничего не было, – поддержал техника Сбитнев и, подумав, добавил: – Эх! Если я в тридцать пять буду таким же ленивым импотентом, как наш техник, то десять лет до этого возраста надо использовать как можно интенсивнее! Черт с ним! Пусть дрыхнет, пескоструйщик!

– Ну, вперед, на штурм женских сердец! – радостно провозгласил Бодунов, и мы, толкаясь, шикая друг на друга, вывалились через окно.

– Тоже мне, штурмовики! – ухмыльнулся презрительно Ветишин. – Я думаю, через час большинство из вас завалится в одиночестве по койкам в своих комнатах, потерпев неудачу. Рухнете на матрасы, словно моряки после кораблекрушения на скалистый берег.

– Иди, смазливый ловелас, тебя-то наверняка бабы заждались. Донжуан несчастный! – Острогин звучно хлопнул по Сережкиной спине, выталкивая его за окно.

Действительно, так и получилось. Бодунов дошел до дверей женского общежития, но, потоптавшись в раздумье, выдал из себя что-то про забывчивость. Прапорщик ринулся, не разбирая дороги, к полевой кухне, стоящей за полковым магазином. (Видимо, вспомнил о собутыльнике Берендее.)

Старшина Резван на половине пути сделал попытку оторваться от коллектива, что-то промямлив о делах в каптерке.

– Бегом в казарму! А то мы совсем забыли о солдатах! – крикнул ему вслед Сбитнев.

Мандресов сослался на усталость и пошел догонять старшину. Ватага уменьшилась до четырех человек.

– Где тут раздают любовь?! – гаркнул Острогин в коридоре, но в ответ услышал только гулкое эхо.

– Нигде! Это русские придумали любовь, чтобы не платить деньги! – нагло рассмеялся Сбитнев. Володя быстро нырнул в одну из дверей. Вскоре оттуда мы слышали его веселые байки и анекдоты, прерываемые бойким девичьим смехом.

– Что завтра останется от Володи? Загоняет его Нинель! – посочувствовал Ветишин.

– Это та, которую только два мужика обнять могут? – догадался я.

– Ага! – подтвердил Сережка.

– Здоровенная деваха! Ужас! – содрогнулся Серж.

– Ну, и я пошел, – сказал Сережка и удалился в комнату напротив умывальника.

Острогин озадаченно почесал затылок.

– А мы куда идем? – недоумевал Острога.

– Это ты подскажи, где нас ждут! А если в нас не нуждаются, то бросим якорь прямо тут! – предложил я. Мы уселись на лавочке у входа, на свежем воздухе. Достали из пакета стаканы и бутерброды. Полбутылки мы выпили быстро и принялись насвистывать в такт разухабистой музыке, доносившейся из чьей-то комнаты.

В глубине общежития вдруг раздались стоны и рычания, выдаваемые за песню: «Ра-а-ас-кину-лась мо-оре ши-и-ро-око, и волны бу-ушу-ют вдали!». На пороге появился уезжающий на днях домой подполковник Конев. Бывший зампотех полка дефилировал в шортах, тапочках

и дырявой тельняшке. Он играл на огромном баяне, напевая грустную, душераздирающую песню. В основном душу терзал он себе и музыкальному инструменту. Багрово-красное лицо свидетельствовало о большой дозе выпитого спиртного. Заметив нас, подполковник оживился.

– Ну что, лейтенанты? Чем порадуете старика? Чем душу согреете ветерану, отслужившему в Афгане два года?

– А чего ее греть, и так жарко! – ответил Острогин, пряча начатую бутылку под лавочку. – Вам нужно охладиться, а то, не ровен час, сгорите.

– И не лейтенанты, а старшие лейтенанты! – поправил я пьяного подполковника.

– Эх! Молодо-зелено! Поучать вздумали старика... А в былые времена я бы вас! Ух! В бараний рог свернул! Силища, знаете, какая в кулаках! Кто хочет помериться силами? С кем побороться на руках? А? – распалился подполковник.

Мы молчали, не желая связываться с пьяным начальником, хотя и бывшим.

– На литр водки слабо? – спросил вновь зампотех.

– На литр? – переспросил Серж и, подумав, ответил: – На литр – слабо!

– Я тоже пасую, – согласился я с товарищем, заметив, что мутный взгляд бывшего начальства, выискивая жертву, переместился на меня.

– Тогда топайте отсюда. Освободите скамейку и не мешайте петь! – рявкнул Конев.

Я достал бутылку, спрятанную за кривую ножку лавочки, и разлил содержимое по трем стаканам. Один в качестве примирения протянул зампотеху. Чокнулись, выпили. Подполковник ругнулся матом и, возмущаясь, швырнул стакан в колючки.

– Что это за дрянь? Пойло какое-то!

– Не пойло, а сухое вино, – возразил я.

– И что за суки пьют сухое! – проревел он обиженно.

– За сук надо было бы в морду дать! Но, учитывая, что вам уже лет сорок пять и годитесь мне в отцы, на первый раз стерплю и прощу, – произнес громко Сергей. – Пошли, Никифор, не будем переводить добро на всякое говно.

Зампотех онемел от нашей наглости. Мы же, пошатываясь, удалились по дорожке к своему модулю, допивая остатки вина.

– «И пошли они, солнцем палимые, повторяя – судья тебе Бог»! – продекламировал с пьяным надрывом Сергей.

Двойной праздник почти удался...

Глава 3. Вверх по служебной лестнице

– Ростовцев, подойди-ка сюда, – громко окликнул меня капитан Артюхин, когда я с друзьями возвращался из столовой после завтрака.

Еда отвратительная, настроение плохое. Похмелье. В голове шумело, во рту пересохло, ноги заплетались, слегка покачивало. А как хорошо было вчера!

– Мужики, я пошел на беседу с начальством, оно что-то задумало! Наверное, опять вышестоящие должности предлагать будут, – усмехнулся я.

– И куда тебя сватают? – поинтересовался Острогин.

– Секретарем комитета комсомола саперного полка. Но я не хочу, – ответил я.

– Зажрался! Капитанскую должность мы уже не принимаем, нам майорскую подавай, – съехидничал Ветишин.

– Правильно делает. Нечего в комсомольскую рутину лезть, пусть ротой занимается, – осканился длинным рядом железных зубов ротный. – А батальон ему наверняка дадут, не сегодня, так завтра. Звезда идет к звезде, должность за званием, а за наградами еще более солидные награды. Везунчик. Моя Красная Звезда за искалеченную челюсть до сих пор где-то бродит по лабиринтам штабов, а этого балбеса наградным железом осыпали с ног до головы.

– Осыпали... Скажешь тоже! Тебя послушать, так можно подумать, что мне, как Брежневу, для орденов пора грудь расширять. Представление к награде – это еще не факт получения, а так, теория... – возразил я Володе и поспешил к начальству.

Замполит батальона сидел на лавочке, вытирая испарину с мокрых залысин, и нервно курил, слушая Шкурдюка. Сергей вчера вернулся из отпуска по болезни и сейчас о чем-то докладывал. Артюхин недовольно махнул рукой, отсылая Сергея в казарму, и принялся за меня.

– Пьянствовал вчера?

– Нет, – ответил я, нагло глядя в глаза шефу.

Лысеющий капитан еще раз протер платочком то место, где совсем недавно присутствовала густая шевелюра. Затем вновь достал пачку сигарет, вынул одну, зажег ее и жадно затянулся. Капитаном Григорий стал на неделю раньше, чем я старшим лейтенантом. Молодой мужик, старше меня на пару лет, но выглядит на все сорок.

– А кого Подорожник гонял из комнаты технарей? – усмехнулся замполит батальона.

– Не знаю. Меня никто никуда не гонял. Я комбата со вчерашнего утра не видел. С ним чем реже встречаешься, тем лучше настроение.

– А хочешь с ним общаться каждый день – утром, вечером, на завтрак, обед и ужин? – насмешливо спросил Гриша.

– Это как так? Пристегнуться к Василию Ивановичу наручниками? Спасибо, не хочу.

– Не хочешь, а я хочу. Третий день думаю над тем, кто бы мог занять мое место. Может, ты? Начальник политотдела окончательно решил выдвигать будущего Героя на вышестоящую должность. Пора подниматься по служебной лестнице. У тебя теперь начался период должностного роста. На выбор различные батальоны: инженерно-саперный, второй батальон нашего полка или восемьдесят первого полка.

– Как так, «второй батальон»? Самсонов всего лишь год как из Союза прибыл! – удивился я. – Куда он уходит?

– У них страшное происшествие вчера случилось. Пока вы всей ротой пьянствовали, события мимо вас прошли. А в полк эта информация вечером поступила. На КП батальона шестеро солдат умерли и четверо в госпитале мучаются страшными муками. Отравились антифризом.

– Е... твою мать! – охнул я.

– Да уж! Это точно!

– И как такое случилось, Григорий? Они что, на заставах поголовно придурки?

– Вроде того. Техник роты в канистре привез сдавать остатки антифриза. Но все в ней не поместилось, вот он часть и налил в трехлитровую банку, закрыв крышкой. Какой-то умник увидел банку с жидкостью, стянул ее и приволок в блиндаж. Решили, что это брага или самогон. Антифриз был мутный и действительно что-то подобное напоминал. Разлили по кружкам и долбанули. Кто налил себе побольше, то умер быстро, кто чуть меньше – помер в госпитале, а самые скромные пока живут и мучаются. Но в дальнейшем останутся инвалидами.

– И что теперь будет? – спросил я, чувствуя, куда клонит Гриша.

– Комдив распорядился снять с должностей и Папанова, и Самсонова, и зампотеха. Ротного уже понизили в должности за небрежное хранение ядовитых жидкостей, техника под суд отдают. Начинается чистка всего второго батальона.

– Нет, что-то не хочется туда идти. Им нужен, видимо, инквизитор: карать, карать и карать. Я не гожусь.

– Хорошо, а как насчет восьмьдесят первого полка или инженерного батальона? – задумчиво спросил Артюхин.

– Тут надо, наверное, соглашаться.

– Ну-ну, думай. Скоро тебе Севостьянов сделает официальное предложение, словно невесте на выданье. Готовься и жди. Теперь следующее дело: завтра новый рейд в зеленку. Идешь вместо меня замполитом батальона.

– Григорий, как же так? Ты на месте, здоров, малярия прошла, желудок не мучает. Почему опять я в двух должностях?

– Мне остался месяц до замены, а заменщику в рейд ходить не положено! Я теперь шагу не сделаю никуда, буду ждать смену. А кроме тебя, замещать некому. Сергея Шкурдюка после гепатита ветром качает. Мыколе Мелещенко я бы не доверил руководить и хранением ящиков с килками. Остаешься ты.

– Вот спасибо! – вздохнул я.

– Вот пожалуйста! Кушай на здоровье! – съехидничал в ответ Артюхин. – Сегодня поеду в дивизию к начальнику политотдела. Поделюсь своими соображениями о тебе. Теперь ступай к Золотареву и получай указания. А я прогуляюсь в магазин, минералочкой побалуюсь, с продавщицами голубоглазыми покалякаю.

– У, змеюки подколенные! Ненавижу их обеих! – выдохнул я.

– Но-но! Ты моих любимых девчат не обижай! Накажу!

Артюхин бросил окурочку в пепельницу и побрел по дорожке. Конечно, не обижай! Любимые продавцы! Он с их помощью афганцам в дуكان толкает консервы и лимонад, а выручку – пополам. Все потому, что одна из них – зазноба Артюхова с тех пор, когда он был секретарем комитета комсомола полка и бегал за водкой для Золотарева. Да! Время не идет, а прямо летит. При мне уже третий замполит батальона меняется. Большинство офицеров полка прослужили в Афгане меньше, чем я. А сколько из них уже погибло и скольких искалечило за год!

* * *

Полк вновь пришел в Баграмскую зеленку, откуда недавно ретировался. Только зря солярку и керосин на переезды извели. Но теперь ротам поставили другую задачу – захватить новый район. Он находился еще дальше на несколько километров. Вновь взрывать, крушить, жечь, топтать.

Бойцы курили, сидя у брони, кто-то дремал, кто-то нервно клацал затвором. Мы ждали команды на выдвижение. Но пока не поступил этот сигнал, работала артиллерия, а самолеты и вертолеты пускали «нурсы», бросали бомбы. От мощных взрывов земля содрогалась и сто-

нала. Запах пороховой гари, дыма и пепла наполнил атмосферу. Опять будет нечем дышать в кишлаке. Ну да ладно. Чем больше они там разрушат, тем легче пехоте воевать. Меньше безвозвратных потерь.

Авиация использовала бомбы повышенной мощности, с замедленным действием взрывателей, чтобы завалить подземные ходы между кяризами. Давно бы так. А то мы едва сверху начинаем хозяйничать, закрепляться, как вылезает из нор в тылу группа духов и стреляет нам в спину.

Вот в небо взлетела красная ракета – вперед, на штурм, в пекло!

Рота заняла три больших строения, отстоящих друг от друга на расстоянии ста – ста пятидесяти метров. Позади зажужжали бензопилы – это работали полковые и дивизионные саперы, срезая подряд все крупные деревья. Одновременно и тут, и там раздавались оглушительные взрывы. Взлетали в воздух глинобитные дома. По всей площади поднимались клубы белых и черных дымов. Происходило планомерное вытеснение противника с временно контролируемой им территории. А если точнее, то это мы прибыли временно на подконтрольную мятежникам землю. А духи тут постоянно живут.

Я и Сбитнев сидели на вынутых из десантов сиденьях и развлекались картишками, лениво жуя мытый перезрелый виноград. Компанию нам составлял унылый капитан Василий Чухвастов. Он шел на боевые впервые и не лез руководить. Мужик он был незаносчивый, компанейский.

– Василий, а ты чего долго задержался в капитанах? – спросил, сплевывая виноградные косточки в арык, Сбитнев.

– Так получилось. Выпал из струи, вернее, совсем в нее не попал. Пять лет служил за границей командиром взвода. Там не особо вырастешь без блата, а я не блатной. Потом приехал в Белоруссию и начал, можно сказать, все сызнова. Еще два года двигался к должности командира линейной роты, а затем четыре года командовал ею. В Союзе в тридцать четыре быть ротным нормально, а тут все иначе. Вот кадровики на пересыльном пункте и предложили стать замом начальника штаба батальона.

– Ну и как тебе, тяжело у нас? – поинтересовался я.

– Если честно, то да! Хреновато! В такой жаре никогда не бывал! Просто кошмар какой-то! Я и так худой, как тростинка, а нынче и вовсе от меня останутся только кожа да кости.

– Ничего, привыкнешь. Зима скоро наступит, похолодает, – успокоил я его. – Жирок нагуляешь!

– А когда она тут начинается? – с тоской вдохнул капитан.

– В начале декабря. Будет градусов пятнадцать, – обрадовал я его.

– Что, такой лютый мороз?

– Да какой к черту мороз! Плюс пятнадцать – восемнадцать, а в январе, может быть, до десяти тепла будет. Хотя в прошлом году даже снег один раз ночью выпал. Холодно только в горах. Там и снег, и мороз, особенно поближе к ледникам. Очень противно, когда холодные дожди начинаются. Промозгло, гадко, бр-р... – Меня аж передернуло от неприятных воспоминаний.

– Зато очень шикарно и романтично встречать Новый год в горах, в снегу. Дома разве так отпразднуешь? – рассмеялся Сбитнев.

– Вот спасибо, хорошая перспектива, – тяжело вздохнул Чухвастов и неожиданно спросил: – Никифор, а как тебе наш замполит полка, Золотарев? Как к нему относишься?

– Говнюк! Мерзкий, липкий, гадкий! Не люблю начальников-алкашей, активно претворяющих в жизнь антиалкогольную кампанию! А почему он тебя интересуется? – спросил я и подозрительно посмотрел на капитана.

– Этот, как ты говоришь пьянчуга, мой давний знакомый, еще по группе войск. Одно время дружили. («Черт дернул меня за язык», – подумал я, глядя на давящегося от смеха Сбитнева.) Когда находишься за рубежом, вдали от Родины, порой очень быстро сближаешься, – продолжил рассказ Василий. – Мы служили в одной роте, я – взводный, а он – зам по политической части. Был такой тихий, скромный парень. Молчун. Не офицер – тень. Молчал в основном потому, что сказать нечего, интеллект подкачал. Саня родился в какой-то богом забытой глубинке. Плохое образование, большая многодетная семья.

И вот помалкивал мой приятель – и вдруг выкинул фортель. Подошел однажды к нему «шестерка», полковник-порученец, со следующим предложением: «Шурик, пойдешь на сделку с совестью ради карьеры?». Перед ним открылась шикарная перспектива роста: майорская должность, академия, замполит полка и далее. Требовалось только одно: жениться на молодой машинистке, работавшей у главнокомандующего группы войск. Смазливая девица была любовницей этого генерала и желала какой-то определенности в жизни. Сам главнокомандующий жениться на ней не мог, но пытался пристроить свою пассию. Вот и предложили ее Золотареву. Наш Шурик подумал и после трехдневного запоя согласился. В миг карьера резко пошла в гору: он возглавил комсомол дивизии, следующая должность – главный комсомольский вожак группы войск. Наконец не заставило себя ждать и поступление в академию. Очень удобно всем. Эрзац-муж в Москве, а жена – за границей, со своим шефом. Но тут накладочка вышла. Генерала назначили заместителем министра обороны! Понятно, о ком говорю? О Соболевцеве. Вы его портрет в ленкомнате видите...

– Ага, сам лично недавно переклеивал. В лицо не помню, но такую фамилию – еще бы не знать! – кивнул я головой.

– Ну да хрен с ним, рассказывай дальше про «шведскую семью». Хорошее трио у них получилось, – рассмеялся Володя. – Я всю жизнь мечтал любить молодую жену престарелого маршала и регулярно ее иметь. А также с наслаждением наблюдать и любоваться ветвистостью рогов вельможного мужа! И каждую ночь их наращивать!

– Хватит болтать, мечтатель! Что было дальше? – прервал я полет фантазии ротного.

– Пути наши разошлись. В интимные подробности я не был посвящен. Когда сюда прибыл и пришел в штаб представляться, Золотарев как увидел меня, так его прямо перекорежило. Побледнел, что-то промямлил и, ни о чем не расспрашивая, ушел в кабинет. Больше ни воспоминаний, ни разговоров. Делает вид, что мы не знакомы. Его личную жизнь, в принципе, знает лучше меня Людмила – командирская любовница. ППЖ («полевая походная жена»).

– Это какая Людмила? – очень живо заинтересовался Сбитнев.

– Не знаешь Люду? С луны свалился? Меня и Ветишина весной замкомандира полка Губин из ее комнаты выгонял. Сережка позвал чайку попить, котлет поесть, а тут Иван Грозный, Филатов, посыльного присылает. Она говорит сержанту-вестовому, что у нее гости. В данный момент занята, не хочет быть негостеприимной, невежливой. Ваня подождет. Поднялась буря! Командир полка приказал Губину нас выгнать любым путем. С Губина что возьмешь? После катастрофы вертолета у этого бывшего бравого десантника с нервами не в порядке. Контузия, голову клинит. Вызвал роту к модулю. Муталибов привел бойцов, встали под окнами в два ряда и хором орут: «Лейтенант Ростовцев! Лейтенант Ветишин! На выход!» И так десять раз. Пришлось освободить помещение. Мы с Сережкой оттуда как ошпаренные выскочили, а после целый час нам «кэп» мозги прочищал – не садись не в свои сани, не лезь на чужую кровать! А мы не только не садились, но и не ложились! Ложная тревога. Ха-ха.

– Так вот, Люда знает и Золотарева, и его супругу лучше меня. Вместе при штабе служили, подругами были. Она мне при нашей встрече многое рассказала из дальнейшей жизни замполита. Людмила, кстати, моему приезду очень обрадовалась. Вспомнила молодость. Наш карьерист отправился учиться в академию, подальше с глаз, да вот напасть – вскоре любовники последовали за ним. Генерал пошел на повышение в должности, а пассия за ним, как нитка за

иглой. Естественно, по окончании учебы места в Москве нашему дикорастущему майору не нашлось. И его сослали в то место, куда семья следом ехать не обязана, – в Афганистан. Хотел бы я знать, куда высокопоставленный любовник отправит Золотаря после командировки на эту войну. Может, развяжет новую военную кампанию в Европе? – закончил свое повествование Чухвастов.

– Теперь мне понятно, почему он так много пьет и всех на этом свете ненавидит, – ухмыльнулся я. – Остатки совести заливает водкой, чтоб наружу не вырывалась.

В этот момент к нам подбежал лейтенант-сапер и доложил:

– Товарищ капитан! Готово. Соседний дом напичкан тротилом, можно подрывать!

– Раз можно, значит, подрывай! Правильно, Володя? – переспросил у ротного Василий, уточняя приказ.

– Согласен. Давно пора что-то подорвать в этом гадючнике! Сапер! Убери бойцов в укрытие, проконтролируй и крути динамомашину! – распорядился Сбитнев и предложил: – Можно еще сфотографироваться на фоне взрывов. У меня в фотоаппарате осталось три кадра.

– Конечно! Пошли запечатлимся на фоне разрушений! – восторженно поддержал я эту идею.

– Нашего замполита хлебом не корми, только дай сфотографироваться среди разрушений и пожаров. Придаст себе героический вид – и на съемки. То на развалинах, то с душманами в обнимку, то с пулеметом в руках, – бормотал Сбитнев.

– Сам, гад, предложил, а меня тут же и высмеял! Чей фотоаппарат? Твой! Чья идея? Твоя! А я у тебя главный любитель батальонных снимков! Поставь на место вставную челюсть, закрой рот и убери ехидную улыбку! Пошли фоткаться.

– Постараюсь, чтобы твое наглое рыло в кадр не попало! – пообещал мне Володя.

– А я в центре встану, рядом с тобой, дружески обнявшись!

Наша компания разместилась напротив подрываемого жилища. Ротный отдал фотоаппарат Свекольникову и скомандовал саперам: «Огонь!» Все приняли воинственные позы. Взрыв! То, что называлось домом, взметнулось в воздух десятками тонн глины и земли. В следующее мгновение адская сила втянула в себя стены и грунт. Затем обломки устремились вниз с бешеной скоростью.

– Бежим! Скорее в укрытие! – заорал Сбитнев, и бойцы дружно сиганули: кто за дувал, кто упал в арык.

Большие комья глины забарабанили вокруг по земле, словно метеоритный дождь. А потом повисла плотная завеса оседающей пыли и песка.

– У-ф-ф! Больше никаких съемок! – приказал, отряхиваясь, Чухвастов. – С меня хватит! Я думал, что этот комок мне голову размозжит!

Капитан пнул ногой только что рухнувший рядом большой комок глины, спрессованный и высушенный многими десятилетиями, бывший минутой назад частью монолитной стены.

– Свекольников! Аппарат цел? – поинтересовался, выплевывая землю изо рта, Сбитнев.

– Цел! Первый кадр получился очень хороший! – успокоил солдат.

– Чем же он так хорош? – удивился я.

– А вы командиру роты рожки над головой поставили, а он – вам! И оба широко улыбаетесь, – ответил Свекольников.

– Вот замполит, зараза! Одни гадости от него! Рога командиру запланировал! А я думал, чего это он обниматься лезет! Скотина! – криво улыбнулся Вовка.

– Око за око! У нас с тобой мысли одинаково коварные, – засмеялся я.

* * *

Следующим утром пробуждение пришло с первыми лучами солнца. Сбитнев растолкал меня и сердито произнес:

– Никифор! Собирайся в путь-дорогу! Как ты меня утомил со своими документами! То характеристики на тебя пиши, то представления, то аттестацию. Теперь фотографироваться вызывают! Фотомодель ты наша!

– Куда? На КП батальона? – зевнул я широко.

– Ага! Специально для тебя корреспондент в зеленку приедет башкой рисковать! Делать ему больше нечего!

– Командир полка приказал взять тебе две коробочки (БМП) и отправиться в штаб дивизии. Там тебя ждут к обеду. Нужна фотография на документы в общевоинском кителе, в форме старшего лейтенанта. Смотри на карту: тут мы сидим, вот сухое русло реки, вот штаб дивизии, здесь штабная застава второго батальона. Проедешь мимо нее, выберешься на грунтовку, доедешь до автопарка саперов. Там оставишь технику и солдат. Бежишь в политотдел, поздравляешь и обратно к нам. Не опаздывай! Тебя ждут к двенадцати ноль-ноль! Севастьянов лично распорядился. Так и быть, дам две машины и в придачу Зибова с пулеметом.

– За пулемет – отдельное спасибо! – ответил я, громко зевая и потягиваясь в спальнике. – Эх, кто бы меня в машину прямо в мешке отнес! Поднял в такую рань! В пять утра! А что, еще раньше нельзя было разбудить и сообщить об этом?

– Можно было полчасика назад, как только меня оповестили и повоспитывали. Командир полка минут десять нотацию читал на мое робкое возражение о множестве других задач. На одно слово – десять матов! Придумали, гады! Две БМП забрать! Третью часть роты!

– Не треть, а только четверть роты! Правильно, героев надо беречь! Ты думаешь, я горю желанием по зеленке кататься и вдоль кишлаков на броне дефилировать двумя прекрасными мишенями? – вздохнул я, мысленно содрогаясь от предстоящих острых ощущений.

– Вот-вот! Начальство только и дефилирует на этой войне. Особенно чертовы политические руководители. Наверное, думают, что тут курорт! Взять и приехать к двенадцати ноль-ноль. Козлы! – продолжал браниться ротный. – Ну, поспешай, Ник, собирайся. Позавтракаете в пути. Гони по руслу на всех парах! Если духи бахнут из гранатомета, может, промажут и не попадут в быстро движущуюся цель. Счастливо доехать и вернуться! Стреляй во все, что шевелится, не раздумывая!

* * *

Две машины, одна за другой, покатали по вражеской земле. На башне первой машины сидели я и Гурбон Якубов. Второй машиной командовал Муталибов. Там же лежал Зибов в обнимку с ПК, перекачиваясь с боку на бок в такт движению БМП по ухабам. Две частички Родины, два островка во враждебном окружении. Так нам тогда казалось.

В небе пролетели параллельно нашему курсу четыре вертолета, летчики, видимо, вглядывались в нас, как в потенциальные мишени. Я приветливо помахал им рукой. А им хоть маши, хоть не маши, если что-нибудь взбредет в голову, то и бабахнут по тебе. Не в первый раз. Потом скажут – промахнулись, видели рядом духов или приняли за противника.

Песок и пыль, поднимаемые гусеницами машин, создавали длинный шлейф позади нашей колонны. Треск моторов был слышен на многие километры вокруг. Обнаружить нас было легче легкого.

Механик последней машины вдруг резко сократил дистанцию и в непроглядной пыли, потеряв дорогу, съехал чуть в сторону с твердой накатанной колеи.

– Стоп, машина! Вовка, сдавай назад, зацепим тросом и вытянем Рахмонова, – распорядился я.

Другая машина начала объезжать застрявшую и тоже увязла левой гусеницей в зыбучем песке.

– Черт! Бл..! Вы что, совсем охренели! Это называется лучшие водители роты! Обе машины посадили! Зибоев, прыгай с брони и замаскируйся с пулеметом в камнях. Пушки влево на кишлак! Операторы, наблюдать! – заорал я солдатам.

Бойцы сняли бревна, привязанные сзади на машинах, и принялись собирать камни, ветки, подкладывая их под гусеницы. Затем в ход пошли лопаты. Работы – непочатый край! Машины накренились в разные стороны и плотно сели на брюхо.

Солнце взошло в зенит и принялось нещадно припекать. Это не самая большая беда, которая может приключиться. Лишь бы из безоткатного орудия или гранатомета не бахнули из-за дувалов. Расстояние до них всего метров двести. Вдруг из зарослей появилась группа вооруженных аборигенов и направилась к нам, размахивая руками и что-то гортанно выкрикивая.

– Зибоев, чего они орут? – насторожился я.

– Не слышно, сейчас подойдут поближе, разберусь, – пообещал пулеметчик, взяв на мушку афганцев.

– Не вздумай! Пока не скажу, огонь не открывать. Сначала ведем переговоры, потом, может быть, стреляем. Кто знает, сколько их там в кустах. Будем надеяться: эти люди не из банды Карима, – вздохнул я и вытер выступивший пот со лба.

– Товарищ старший лейтенант, они говорят, что отряд самообороны, ополченцы, – крикнул таджик после переговоров с бородачами.

Подошедшие к нам афганцы были вооружены кто чем. Двое с Калашниковыми, один с карабином и самый старый с древним мультаком (старинное длинноствольное ружье). Трое замерли в стороне, держа оружие вниз стволами, всем видом показывая, что намерения у них самые мирные и дружественные. Четвертый приблизился к нам.

– Салам, командир! – поздоровался старик, подойдя ко мне и протягивая руки для приветствия.

– Салам, аксакал! – ответил я и пожал сморщенные шершавые коричневые руки.

«А ведь тебе лет сорок пять! Но вид – как будто ровесник века», – подумал я, вглядываясь в незваного гостя. Мужичок с понимающим видом посмотрел на машины, присел возле траков и что-то быстро заговорил.

– Просит нас не стрелять по кишлаку и отвернуть пушки. Там – мирные люди. Только друзья! – перевел пулеметчик.

– Пушки не развернем, но стрелять без причины не будем, – успокоил я парламентаря.

– Мужик предлагает проводить к нашему посту, за помощью, – продолжил переводить Зибоев. – Пост близко, за деревьями, метрах в трехстах. Может, сходим, товарищ старший лейтенант?

– Мирзо, скажи ему, что он и еще один останется тут, а двое пойдут со мной проводниками! – распорядился я.

– Они согласны, – сообщил переводчик.

– Это хорошо. Зибоев, идешь за мной и, если засада, вали всех из пулемета! Лебедков, прикрываешь пулеметчика, а я пойду с этими бандитскими мордами. В плен не сдаваться! Себе – последняя граната.

Рожи у наших добровольных помощников действительно были недобрыми, хотя афганцы улыбались изо всех сил. Но улыбки выглядели натянутыми. Бородатые лица, грязные халаты, ноги в галошах. Ремни и нагрудники увешаны гранатами, снаряженными магазинами, в которых было полно патронов, за поясами – ножи. Надежные проводники, нечего сказать.

Я снял автомат с предохранителя, дослал патрон в патронник и повесил его на плечо, направив ствол в спину ближайшего аборигена.

– Буру! – сказал я афганцам, что означало вперед, и махнул рукой.

Мужчины пошли вперед, оглядываясь время от времени и что-то говоря друг другу. Я достал потихоньку из «лифчика» гранату, сунул палец в кольцо и разжал усы. Если что – раз и привет! Будет общая могила с этими друзьями. Кто их знает, что у них на уме на самом деле.

Мы шли плотно по тропе между деревьями и кустарниками вдоль высокого дувала. Потом залезли на стену, такую широкую, что можно было по ней смело идти, не боясь упасть. На нашем пути из зарослей выглядывали женщины, дети, мужики со злыми лицами. Вот впереди на поляне показался высокий глинобитный дом.

– Шурави. Пост! – сказал один из афганцев, показывая рукой на строение.

На краю дороги стояла табличка: «Осторожно, мины!», рядом другая с надписью: «Стой, назад, стреляют!» – и ниже еще что-то по афгански. Черт! Вот дела! А как же пройти? Мины! Да еще могут от поста очередью полоснуть. Вон пулеметный капонир, рядом танк в окопе, а чуть дальше за высоким бруствером БМП. И вся поляна затянута паутиной из проволочного малозаметного препятствия и колючей проволоки.

Проводник, на удивление, хорошо ориентировался в препятствиях и знал проход. Он заорал кому-то невидимому за стеной на ломаном русском:

– Шурави! Не стреляй! Друзья!

Часовой крикнул:

– Проходи! – и махнул рукой.

Мы подошли к высоким массивным воротам, афганец дернул за подвешенную связку склянок. Хороший звонок! Калитка отворилась, оттуда высунулся заспанный солдат:

– Чаво пришли? Кто такие? Чаво нада?

– Боец, проводи меня к старшему поста, я – старший лейтенант из первого батальона! – ответил я хмуро.

– Все что ли с первого? – ехидно произнес солдатик.

– Не ухмыляйся, умник, это проводники. Веди к начальству, – подтолкнул я в грудь юмориста.

– Кто тут ко мне пришел? – недовольно спросил вышедший из бункера капитан.

– Ростовцев, замполит первой роты! – представился я, здороваясь с хозяином заставы.

– А-а-а. Привет! – протянул, зевая, офицер.

Это был капитан Самсонов, заместитель командира второго батальона по политчасти.

– Ты мою должность прибыл принимать? – грустно улыбнулся он.

– Да нет. Дорогу в дивизию ищем. Шучу. Техника у реки завязла в песке. Нужен танк или тягач: дернуть машины на дорогу. А должность вашу, не буду отрицать, предлагали, но я отказался.

– Жаль, что отказался, я бы в какое-нибудь спокойное место уже уехал. Сижу тут неделю, как отшельник. Комбат в Союз заменился, зам по тылу где-то прячется на складах, зампотеха, беднягу, по прокуратурам затащали. То в Баграм, то в Кабул. Все из-за халатного отношения к хранению ядовитых жидкостей.

– Слышал о вашей беде. Сочувствую. Ну так как, танком поможете?

– Нет. Не могу. Аккумуляторов нет. Их зампотех увез в полк, на зарядку, неделю назад. Там его с должности сняли. Теперь ни зампотеха, ни аккумуляторов. Ступай пешком в дивизию по этой грунтовой дороге. Там помогут. Пойдем покажу, куда и как выбраться.

Мы вышли за ворота, и Самсонов удивленно уставился на сидящих вдоль стены афганцев.

– А это что за духи? Ты с ума сошел, с басмачами бродишь по зеленке! – воскликнул капитан.

– Они уверяли, что представляют собой отряд самообороны. Дорогу показали и по всем вашим проходам в минных полях провели, – ухмыльнулся я.

Самсонов выругался матом, озадаченно почесал затылок и задумался.

Штабная жизнь дивизии кипела и была ключом. Множество офицеров, переодетых в пятистные маскхалаты, бегали с бумажками из кабинета в кабинет. Но особенно бурлил политотдел. Машинистки трещали, сидя за печатными машинками, словно пулеметчицы. Кто-то громко диктовал по телефону отчет, ругался из-за задержки новой стенной печати, требовал выпуска листовок с описанием чьего-то подвига. Кто-то возмущался несвоевременному выходу в свет дивизионной многотиражки. Из приоткрытой двери заместителя начпо Бойдукова раздавалась громкая брань по поводу отсутствия политдонесений из района боевых действий. Создавалось ощущение, что вся война и боевые действия шли не в зеленке, а в штабах. От меня отмахивались, как от назойливой надоедливой мухи. Варианты ответов: «Отстань, не до тебя!», «Ничего не знаю, не в моей компетенции!».

Я присел на стул в уголке и решил дожидаться начальника политотдела. Наверное, он все знает, по его приказу выдернули меня из района боевых действий. Вызвали словно на пожар.

В приемную заскочил второй заместитель начальника политотдела (а может, первый заместитель, кто их разберет) Жонкин.

– Лейтенант! Ты чего тут расселся? Тебя инструктор Семенов с ног сбился разыскивать! Сказано прибыть в двенадцать часов, а сейчас уже час дня! Ростовцев, непорядок!

– У меня две БМП завязли напротив поста командира второго батальона, я пешком сюда добрался, – смущенно оправдывался я в ответ на гневную тираду подполковника.

– Ну ладно! Молодец, что прибыл! – перестал возмущаться Жонкин. – Беги в клуб быстрее! А где твой повседневный китель?

Глупее вопроса я не ожидал и, естественно, растерялся.

– Китель? А зачем?

– Как «зачем»? Фотография нужна в повседневной форме! Тебя что, не предупредили?

– Нет. Но даже если и предупредили бы, то кто его в кишлак из моего шкафа, который в полку, привезет? Каким образом? – усмехнулся я.

– А, ну да... Мы об этом не подумали. Прямо скажем, вид у тебя неподобающий. Не побрит, не помыт, в маскхалате. Черт! Ладно, беги к капитану Семенову, приводи себя в порядок, и вдвоем что-нибудь там придумайте. Времени на все, в том числе и на проявку, и печать, – полтора часа! – нахмурившись, произнес Жонкин и отправился по своим делам.

Инструктор – «Балалаечник», прозванный так потому, что он исполнял обязанности инструктора политотдела по культурно-массовой работе и заведовал средствами пропаганды дивизии, в том числе и музыкальными инструментами, – от моего вида просто потерял дар речи. Капитан глубоко вздохнул, покрыл всех матом, не забыв и непосредственное начальство:

– Бл..!

– А что я? В чем моя вина? – поинтересовался я, мысленно готовясь вступить в диалог на матерках.

– Уф-ф-ф! – выдохнул капитан и скомандовал, постепенно успокаиваясь: – Раздевайся! Сейчас принесу бритвенный станок, вызову парикмахера и, конечно, разыщу тебе китель. Взвалили на меня чужие проблемы. Я, как всегда, крайний! Какой размер формы?

– Сорок восьмой. Третий рост, – ответил я, раздеваясь.

– Хоть пятый. Ты мне еще размер обуви и головного убора назови! Фото ведь делаем по пояс. Мне бы китель лейтенантский найти! Вокруг одни майоры, подполковники и полковники!

Семенов, продолжая громко ругаться, убежал. Вскоре пришел сержант-киномеханик и вручил мне станок с тупым лезвием и кусок мыла.

– Солдат, ты мне лезвие дал, словно палач заключенному перед казнью, когда человек бреется в последний раз перед экзекуцией. Я сейчас плакать начну навзрыд от боли. Другого чего-нибудь более острого у тебя нет?

– Есть, но лезвие совсем новое, для себя. Затупите, чем я после бриться буду? А про то, что нужно хорошее лезвие принести, мне никто не сказал.

– У-у, – завыл я, продолжая соскребать неподдающуюся щетину, в некоторых местах удаляя ее вместе с кожей и формируя волевой подбородок багрового цвета. Лицо заметно преобразилось. Щеки пылали огнем, шрам на подбородке кровоточил. Этот же солдатик достал машинку для стрижки, накинул мне на плечи простынку и взялся ровнять всклокоченные вихры.

Возвратившийся «Балалаечник», взглянув на меня, удовлетворенно кивнул головой и начал устанавливать фотоаппарат на штатив.

– Виктор! Ты посмотри, что сделалось с моей физиономией после кошмарного бритья! Она красная, как перезрелый помидор! – возмутился я.

– Ничего страшного! Фотография черно-белая. Румянец сойдет за южный загар. Меня больше волнует, куда это медик запропастился с кителем.

Вскоре вошел скромный лейтенант-двухгодовалник с кителем на плечиках.

– О-о-о! Я буду медиком? – ухмыльнулся я.

– Черт! Не подумал. Сейчас привинтим другие эмблемы в петлицы и добавим звездочек. – Семенов грубо надорвал петлицы, скрутил «змею в стакане» и заменил на «сизу в кустах и жду Героя». Затем шилом проткнул погоны и привинтил еще по звездочке.

– Товарищ капитан! Вы что делаете? Я пиджак всего один раз надевал, в штаб округа, а вы его дырявите и рвете? – взвыл лейтенант.

– Не пидай кипятком, медицина! Не пиджак, а китель! Это ты у нас пиджак! Звание тебе через год присвоят, и звездочка пригодится. Не скручивай. А пехотная эмблема или медицинская, какая тебе разница?

– Но я только на два года в армию попал, мне его придется на склад по увольнению сдавать!

– Сдашь. Был бы китель, а на эмблему и не посмотрят. Сейчас вкрутим покрепче, иголочками петлицы пришьем. Готово. Хорош! Ох как хорош! – Закончив подготовку формы, Семенов принялся суесться, бегая от штатива ко мне. – Очень даже неплохо! Садись на стул, руки на колени. Выпрями спину да расслабься, не лом же проглотил! Не хмурься. Теперь убери эту дурацкую улыбку! И не делай страшную рожу! Уф-ф-ф. Устал я с тобой, Ростовцев.

– Это я устал от маскарада. Лучше бы у дувала лежал и мух от себя отгонял, жуя виноград, чем терпеть подобное издевательство надо мной!

– А где виноград? – встрепенулся Балалаечник. – Привез?

– Нет. Я пешком до штаба добрался, через кишлаки. Машины застряли у поста.

– Ну ладно, будь другом, ящичек набери для меня. Я после рейда заскочу к вам в полк, тебе фото на память завезу! – пообещал капитан.

– А мне виноград будет за эксплуатацию кителя? – оживился медик.

– Тебе? – задумчиво произнес я. – Тебе сколько угодно. Сейчас быстро переобуваешься в кроссовки, получаешь автомат, набираешь патронов, гранат и айда со мной. А там в зеленке жри сколько угодно, пока не лопнешь! – засмеялся я, хлопая по плечу лейтенанта.

Откуда ни возьмись в аппаратную ворвался взмокший Артюхин.

– То-о-о-в-а-рищ капитан! Здравия желаю! Вы откуда? Наверное, в зеленку вместе поедем? – ухмыльнулся я.

– Иди к черту! – огрызнулся замполит батальона. – Я за тобой. Бегом к начальнику политотдела, скорее!

– Так к черту или к начальнику политотдела? – спросил я, рассмеявшись. – Или он и есть черт?

– Хватит юмор разводить и шуточки шутить! Дело серьезное! За мной! – Григорий сильно потянул меня за руку.

– Стой! Стой! – взмолился я. – Дай переодеться! Чего я буду туда-сюда пугалом по полку ходить? Китель не по росту, с длинными рукавами, вместо брюк – масксетка! Целый день сегодня бегом и бегом!

– Ладно, быстрее! Севастьянов больше часа нас ждет! Еле-еле тебя нашел! – пожаловался Артюхин.

– Повезло, что нашел. Через пять минут я бы взял ноги в руки и убежал отсюда к батальону. Интересно, зачем меня вызывает высокое руководство?

– Скоро все узнаешь! – загадочно произнес Григорий.

Я быстро переоделся, и мы поспешили в политотдел.

Начальник политотдела сидел за длинным столом, уставленным телефонами и сувенирами. На стенах кабинета висели графики, таблицы, лозунги и плакаты. Настоящий центр политграмотности и эпицентр перестройки.

– А-а-а! Ростовцев! Заходи, дорогой, заходи! – встретил меня полковник протяжным восклицанием.

Потом вскочил, поздоровался, пожав руку, и усадил нас с Артюхиным на стулья. Сам он начал энергично ходить по кабинету из угла в угол, быстро при этом разговаривая. Вскоре Аркадий Михайлович стал носиться по кабинету, словно сгусток энергии, только не понятно какой: отрицательной или положительной!

– Товарищ старший лейтенант! У командования о вас за год сложилось хорошее мнение, вы это, наверное, заметили.

– Так точно, товарищ полковник! – ответил я, смущаясь. (То, что они знают о моем существовании, я понял всего месяц назад.)

– У нас возникла сложная и неприятная ситуация. Сменщик капитана Артюхина куда-то пропал. Точнее, Артюхин полгода назад занимал должность секретаря комитета комсомола полка, а кадровая машина неповоротлива. Нам прислали молодого лейтенанта. Мы решили вас, Никифор Никифорович, выдвинуть на вышестоящую должность. Было три варианта с разными батальонами. Но возникла блестящая идея – убить двух зайцев разом. Мы назначаем вас, Ростовцев, заместителем командира родного батальона, а Григорий Николаевич благополучно и своевременно, без дальнейших проволочек, едет домой. В результате – все довольны. Я и командир дивизии уверены, что вы справитесь!

– Ох! – охнул я. – Прямо огорошили меня этой новостью. Даже не знаю, что и сказать. Справлюсь ли... Вчера с лейтенантами-взводными из одного котелка ел, вместе с ними шутил, анекдоты травил, а завтра командовать... Как-то мне не по себе.

– Все будет хорошо. Вы, товарищ старший лейтенант, знаете батальон, его проблемы, быт. Досконально изучили людей. Батальон рейдовый, сложный, я бы даже сказал, тяжелый. Тут не только политические вопросы решать надо, но и постоянно участвовать в боевых действиях. Нужны молодость и здоровье, задор и удаль! Значит, так и порешим! Принимайте дела, и в процессе службы будем вас учить, поправлять. Так что перестраивайтесь! Вся страна перестраивается! – Начпо пожал нам обоим руки, хлопывая по спинам, довел до дверей кабинета и еще раз попрощался.

– Черт! Черт! Черт! – завопил я за порогом политотдела.

– Что ты так возмущаешься? – удивился Артюхин.

– Что-что... Как я буду с Подорожником каждый день общаться? Он меня на дух не переносит, целый год третировал, как последнего человека. Издевался каждый день. Я было

обрадовался, что в новом батальоне начну службу с новыми подчиненными, с теми, кого не знаю, с кем не пил! Тяжело это: вчера – друзья, а сегодня – подчиненные.

– Учись. Хочешь дальше расти, нужно учиться быть жестким, даже жестоким, – вздохнул Гриша и, пожав мне руку, отправился восвояси.

Он ушел куда-то по своим делам, а я, захватив на КПП дремавших бойцов, поспешил к саперам за тягачом.

Саперы машину не дали. Вся исправная техника крушила развалины. Удалось достать артиллерийский тягач из батареи «Ураганов». Радость переполняла мое сердце, что не нужно будет вызывать помощь из зеленки, не придется падать в глазах комбата и ротного. Застрять на двух машинах! Увиденная на дороге картина озадачила. Сидевшие в песке БМП теперь стояли в твердой накатанной колее.

– Кречетов! Как вы выбрались? – изумился я.

– Сами откопались. Набежали дикари с лопатами, человек пятнадцать, притащили бревна, сучья, раз-два – и готово. Не захотели, чтоб мы им кузькину мать устроили. Побоялись, что на чей-нибудь случайный выстрел ответим шквалом огня. Пушки, направленные на кишлак, – самый лучший аргумент, – объяснил механик.

– Ребята, нам повезло, хорошая банда попалась, душевная, – рассмеялся я.

Пришлось извиняться перед капитаном-артиллеристом за доставленные хлопоты. Водитель тягача получил пачку «Охотничьих» и, удовлетворенный отсутствием работы, уехал в Баграм. В обратный путь тронулись и мы.

Подорвав сотню домов, сровняв с землей развалины и дувалы между виноградниками, полки вернулись на базы. Хватит. Хорошего понемногу. Отвели душу за гибель наших ребят. Авиация два последующих дня обрабатывала эту территорию бомбами повышенной мощности, глушила духов в подземельях, обрушивала кяризы.

Афганская госбезопасность вскоре получила информацию о более шестидесяти захороненных мятежников в результате нашей работы.

Да и сам Керим погиб чуть позже. Без базы, без банды, без складов ему стало очень тяжело воевать. Однажды «курбаши» куда-то поехал с двумя телохранителями на лошадях. На его беду всадников заметили вертолетчики. Пара «крокодилов» зашла на штурмовку и накрыла их залпом из неуправляемых ракет. Таким оказался бесславный конец хозяина Баграмской зеленки. Ну, да свято место пусто не бывает. На место убитого главаря пришел другой, не менее кровавый и жестокий.

Усилия армии оказались тщетны. То, что мы разрушили, афганцы через месяц восстановили. Это ведь не дворцы и не современные многоэтажные здания. Конструкция простейшая: глина, песок, кизяк, солома и вода. Размешал и лепи, лепи, лепи. А виноградники и кустарники весной следующего года вновь будут стоять зеленой стеной, как будто их и не ломали, и не рубили. Джунгли! Создать в этих местах безопасную зону – сизифов труд! Бессмысленный и чрезвычайно опасный.

Глава 4. Большая трагедия и маленькие драмы

– Ростовцев? Мой заместитель?! Какому идиоту пришла в голову подобная бредовая мысль? Это что, продолжение эксперимента по проверке прочности моих нервов и терпимости? – заорал Подорожник на весь полковой плац, когда Артюхин сообщил комбату решение командования.

Его ушицы, топорщившиеся в разные стороны, гневно дрожали, и лоб покрылся испариной. Я скромно потупил глаза к асфальту и ответил, хитро улыбаясь:

– Могу подсказать и фамилии, и должности этих идиотов.

– Василий Иванович! Все решалось на высоком уровне. Я тут ни при чем. Хотя мое мнение: хуже других он не будет, – вступился за меня Артюхин. – Людей знает, с обстановкой знаком, боевого опыта немерено. А руководить людьми научится.

– Юра, и ты туда же, заступаешься за него? – возмутился Подорожник.

Артюхин молча развел руками, скорчил скорбную гримасу и произнес сакраментальное:

– Замена в опасности, а где она? Один не доехал из Союза, двое увильнули от моей должности в штабе армии. Сколько еще можно ждать?

– А я и не навязываюсь. Не нравлюсь – напишите рапорт комдиву. Меня и первая рота вполне устраивает. Между прочим, Севостьянов другие, более спокойные батальоны предлагал, – подал я голос, окончательно обидевшись на реакцию комбата.

Подорожник гневно сузил глаза и прошипел:

– Опять батальоном разбрасываешься? Мы тебя сделали за год человеком! Почти Героем!

– Я не разбрасываюсь, но реакция ваша не нравится. Конечно, лучше меня люди есть. Мелешенко, к примеру, спит и видит, как бы большим начальником стать.

– Но-но! Только не надо ерничать. Сами с усами, разберемся! Без сопливых! – рявкнул Подорожник, постепенно сменив гнев на милость.

Чувствовалось, что внутренне он с каждой минутой смирялся с таким поворотом и готовился сделать шаг к примирению. Я же захотел ужалить в отместку будущего шефа и сыронизировал:

– С усами, да еще с какими! Зависть всей афганской армии...

– Вот что верно, то верно. Но это уже не усы, а так, пародия! Были когда-то... – не понял шуточки комбат и искренне загрустил: – Никифор, ты помнишь, какие у меня они были прошлым летом и осенью? – Я подумал и кивнул. – Так вот, мою красоту и гордость, каждый ус по семнадцать сантиметров, при вступлении в должность комбата заставили обрезать!

– А вы их что, измеряли линейкой? – улыбнулся я ехидно.

– Тьфу ты! – сплюнул комбат презрительно. – Я ему о серьезном деле, о своей беде и печали! А он шуточки шутит! Да, измерял! Представь себе! Хотел до двадцати вырастить. Сорвали мой эксперимент. Афганцы-то как уважительно всегда разговаривали, восхищались! И что? Начпо твой любимый, Севостьянов, на заседании аттестационной комиссии заявляет: «Подорожник – хороший начальник штаба и неплохо исполняет обязанности комбата. Но доверить батальон офицеру с такими шутовскими усами мы не можем!» Шутовскими! Это же надо было так сказать! Я ваше политплемя после такого окончательно перестал уважать. Подводя итоги собеседования, командир дивизии нахмурился и промолвил, что собственных возражений у него против моих усов нет, но мнения Севостьянова не учесть он не может. Дали мне времени два дня на обдумывание. Выпил я два стакана водки и сказал «стюардессе»: «Режь!» Половины усов как будто и не бывало. Остались жалкие обрезки былой гордости! Пожертвовал ради должности! – Подорожник тяжело вздохнул и, расстроившись, закурил.

Мы с Артюхиным переглянулись, но промолчали. Василий Иванович, нервно притоптывая носком туфли по асфальту, выкурил сигарету и произнес, примиряясь с неизбежным:

– Так тому и быть! Ладно, Ростовцев, тебя я знаю как облупленного, со всех сторон. А кого еще пришлют – неизвестно. Одно условие: сбрей свою гадкую растительность под носом. Не даны природой усы и не пытайся вырастить. Борода у тебя бывает неплохая, подходящая. Но эти волосенки – просто гадость, пародия! Удали и приступай к обязанностям. Принимай дела и должность!

Что ж, действительно, раз мои попытки взрастить более или менее приличное над верхней губой не удались, значит, я без малейшего сожаления могу сбрить свои усы. Вопрос далеко не принципиальный. Принципиально другое: как вести себя с друзьями-приятелями?

Разглядывая себя в зеркале, я намылил помазок, провел им по щекам, подбородку и начал мужественно снимать растительность с лица.

В душевую, напевая украинскую песню, вошел погрузневший в последние месяцы Мелешенко. Жирок несколькими складками свисал по бокам, а животик слегка оттопыривался, будто на пятом месяце беременности.

– О! Никифор! Избавляешься от мужской гордости? – ухмыльнулся он, намекая на предстоящую потерю усов.

– Чего не сделаешь ради должности замкомбата! Выполняю главное условие для продвижения по служебной лестнице.

– Хм! Я бы не только усы сбрил, но и что-нибудь кому-нибудь лизнул, – вздохнул Микола.

– Лизни мне, и я уступлю должность замполита нашего батальона, – хохотнул я.

– Как! Что я слышу? Ты уже замполит батальона? – вытаращил глаза Мелешенко и шумно выдохнул воздух.

– Расслабься, я тебя еще не имею. Пока... Но впредь води себя хорошо. – И я похлопал успокаивающе его по широкой спине, довольный произведенным эффектом. – Приседать и гнуть спину при моем появлении не обязательно.

Новость сразила Николая наповал.

– Ну почему такая несправедливость? Ты самый отъявленный оппортунист и антисоветчик, который мне встречался в Советской армии! Тебе чужды идеалы социализма, постоянно насмехаешься над руководителями партии, над государственным устройством!

– Почему не доложил, не донес, раз так возмущен? – удивился я. – Если тебя мое поведение так задает и раздражает, что удерживает от возмущения вслух начальству? И в конце концов, если ты хотел ускорить свой должностной рост, то не надо жрать водку и самогон каждый день!

– Не знаю, почему не сообщил куда следует? Определенно надо было настучать особистам. Тогда никому не взбрело бы в голову лепить из тебя Героя Советского Союза! Но я думаю, ты себе шею еще свернешь, – произнес Микола и ушел, громко хлопнув входной дверью. Ну вот, мнение одного из сослуживцев стало известно. Жаль, что произошел такой нехороший разговор. Вместе с Коляном с первого дня войну хлебаю. Парень он малограмотный, туповатый, но неподлый и вполне компанейский.

Реакция Сбитнева была вовсе удивительна. Володя ругался минут пять. Крыл матом начальников вплоть до министра обороны.

– Роту разодрали! Забрали Мандресова, Грымов сбежал в горы на пост, замполита на повышение выдвигают, Бодунова в Союзе могут в тюрьму упечь! С кем в рейд идти?

– Володя, не гони волну. Приказа о назначении еще нет, и на мое место кто-то придет. Мандресову вот-вот будет замена. Да и я еще никуда не ушел. Вдруг начальство в последний момент передумает?

– А раз приказа нет, то заступаешь сегодня со мной в наряд по полку помощником дежурного.

– Спасибо за доброту, – с напускным смирением сказал я.

– Пожалуйста. Не подавись, – буркнул Володя и вышел из канцелярии.

– Никифор, ты, наверное, в последний раз помдежем заступаешь перед повышением. Поэтому напоследок я над тобой поиздеваюсь, – произнес Володя, попивая нарзан. Он сидел за пультом дежурного и нахально скалил позолоченные зубы.

– Вова, вряд ли у тебя это получится, могу и послать подальше, – ответил я, глотая прохладный боржоми.

В дежурку ворвался начальник штаба полка и с порога дико заорал:

– Сбитнев! Тебя из Генерального штаба разыскивают! Сними трубку и ответь!

Ошуев стоял в дверном проеме и пытался вникнуть в смысл разговора с Москвой.

– Здравствуй, дядя Вася! – поздоровался в трубку смущенный Сбитнев. – У меня все в порядке. Не болит. Нет. Нет. Нет! Не беспокойтесь. Да как-то неудобно просить. Хорошо. Тете Кате привет. Маме скажите, чтоб не переживала. Да. Да. Ну, конечно, берегу себя. Никуда я не лезу, на боевые не хожу, берегу зубы и голову. До свидания!

Начальник штаба, осознав, что это обычный частный разговор, по личным вопросам, молча вышел и закрыл за собой дверь.

– Ну ты, Вован, даешь! Переполошил штаб полка! Генштаб на проводе! Складывается такое впечатление, что из столицы советуются со старшим лейтенантом Сбитневым по тактике и стратегии ведения войны в Афгане, – произнес я иронично.

– Хм... Могли бы и посоветоваться, я плохого не подскажу. Объясню, как войну закончить и домой убраться целехонькими! – ответил очень серьезно Володя.

– Тебя за такие речи маршалы сразу разжалуют в рядовые и со службы попрут. Ты только подумай, сколько народа вокруг воюющей армии кормится! Сколько на нашей крови, на солдатском поту карьер выстроено, высоких должностей получено, званий, орденов. Не покидая кабинеты и не выезжая за пределы Кабула, штабные куют свое светлое будущее. Министр обороны, начальник Генштаба, Главком стали Героями Советского Союза, а помимо них еще десяток генералов. А сколько украдено материальных ценностей? Многие себе и детям будущее обеспечили. Армия в мирное время (по мнению гражданских «шпаков») – балласт общества. Но вот организовали маленькую войну, напомнили о себе, доказали свою необходимость – и, пожалуйста, расходы на Вооруженные силы возрастают на порядок. Штатная численность увеличивается, генеральские и маршальские звания штампуются, заводы гудят от напряжения, загруженные заказами на вооружение, технику и боеприпасы. А гибель одного солдата или даже нескольких тысяч – малозначительный эпизод. В нашей стране руководители всегда говорят: бабы новых солдат еще нарожают. Главное – политическая или идеологическая целесообразность! И она заключается в расширении лагеря социализма любыми путями и по всему миру.

– Никифор! А ты действительно, как любит балакать Мелещенко, диссидент и оппортунист, – улыбнулся ротный.

– Нет, я просто здраво мыслю. Боюсь, что страна надорвется и лопнет. Не выдержим мы гонки вооружений, не осилим поддержку мирового национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Мы считаем своим долгом каждого, кто вчера слез с пальмы, а на завтра объявил о построении социализма, поддерживать изо всех сил. Однажды наша военная мощь может рухнуть.

– Если силы и мощь страны иссякнут, главное – успеть отсюда выбраться. Не то духи захватят Саланг или взорвут мост у Хайратона – и абздец! Придется остаток жизни или овец пасти в горах, или каналы рыть, или восстанавливать виноградники. Тебе особенно! Я приму ислам и непременно расскажу афганцам, сколько Ростовцев сжег сараев и хибарок сломал! – рассмеялся Сбитнев.

– Не успеешь! Они тебе обрезание начнут делать с «конца», а закончат в районе горла. Как-никак командир рейдовой роты! Каратель! – улыбнулся я, а затем, помолчав, осторожно спросил: – Ты с кем болтал-то по телефону?

– С мужем родной сестры моей мамы. Дядя Вася, адмирал. Служит в Генштабе, в одном из главных управлений. Он еще зимой, после моего ранения, вместе с матерью прилетел в госпиталь и предлагал помочь остаться в Ташкенте. Я отказался. Неудобно было перед вами, балбесами. Вы тут будете потеть в горах, жизнью рисковать, а я вроде бы друзей предаю. Бросаю на произвол судьбы свою роту. Отказался. Дядька ругался, материл очень сильно. «Мало одной дырки, – говорит, – в башке, еще хочешь? Мать не переживет твоей смерти, одна останется на белом свете!» Я же улыбался и отшучивался. Шашлыка не наелся из баранины, не все горы покорил, орденов мало получил. Снова сейчас спрашивал: не передумал ли? Нужна помощь или нет? Хотел сказать: нужна! Оставьте замполита в роте, не дайте ему стать моим начальником! Но пожалел тебя, олуха.

– Ах ты гад! Спишь и видишь, как бы меня извести, замучить! – возмутился я.

– Конечно! Кому охота, чтобы бывший подчиненный командовал. Но мы тебя всегда на место поставим. Найдем способ напомнить, под чьим руководством вырос, кто был первый наставник.

– Не первый, а второй. Первый – капитан Кавун!

– Неважно! А пока служим так же, как и прежде, идем в рейд вместе. Я тобой покомандую напоследок!

Утром, как гром среди ясного неба, – объявили начало вывода войск! Неужели долгожданный конец войне? Командир полка распорядился о проведении совещания через час и умчался в штаб армии. Убежал к узику на предельной скорости, которую позволяет развить тело массой сто сорок килограмм. По возвращении сообщил офицерам:

– Товарищи! Через два месяца начинается частичный вывод подразделений из Демократической Республики Афганистан!

Далее подполковник Филатов продолжил свою речь, перейдя с возвышенного слога на нормальный язык:

– Нас, долбое...в, он не касается.

«Ох-ох!» – прошли по рядам вздохи горечи и сожаления.

– Полку выпадает почетная миссия принять Правительственную комиссию, которая будет для контроля над этим торжественным историческим событием. И если какой-нибудь чудака на букву «эм» на порученном участке работы по встрече комиссии что-либо загубит, то пожалеет, что на свет родился. Откуда вылез – туда и засуну обратно!

Из зала послышался тихий голос, и в воздухе повисла вопрошающая фраза: «Интересно, куда и как?». Филатов напряженно всматривался в зал.

– Кто посмел п...еть?! А?! Помощник начальника штаба, это ты? – сурово спросил Иван Грозный у худощавого капитана Ковалева.

– Никак нет, – ответил Ковалев, бледнея и съеживаясь.

– Значит, не ты? Но мне показалось, твой умный голосочек раздался из зала. В документах – неразбериха! Штатно-должностная книга полка словно филькина грамота: ничего не поймешь! А он тут вякает!

– Товарищ подполковник, ШДК заполнена согласно правилам и требованиям. В ней полное соответствие.

– Ах, соответствие?! – расвирепел Филатов. – Да у вас до сих пор покойный Буреев начальником ГСМ числится! А он месяц назад застрелился, и нового прислали давно! И зам по тылу в полку все еще Ломако! Подполковник Махмутов, штаб не считает вас руководителем тыла! – Командир полка ехидно посмотрел на недавно прибывшего зама по тылу и развел руками: – Вот так-то! И зампотех в полку не Победоносцев! – Командир ткнул пальцем в унылого длинноносого майора, прибывшего неделю назад. – Я сегодня утром листал штатку, ужасался и покрывался холодным потом! Опять кого-нибудь не по тому адресу хоронить отправите! Канцелярские крысы!

Иван Васильевич в конце тирады уже не говорил, а рычал, вспоминая служебное несоответствие, полученное за прошлогоднее происшествие с похоронами не того солдата. Он тогда оказался без вины виноватым.

– В строевой части все проходит согласно приказам, – робко попытался возразить капитан.

– Бегом! Неси полковую книгу приказов, штатную и свою служебную карточку не забудь. Будем сравнивать, и если я прав, сразу накажу! – рывкнул командир и с силой бросил рабочую тетрадь на стол. – А пока Ковалев бегаёт, зам по тылу, ставь задачи!

Маленький, шуплый подполковник-татарин вышел на край сцены и, нервно теребя кепку-афганку, начал путано формулировать свои мысли. Он от волнения слегка заикался, говорил гнусаво через нос. Татарский мягкий акцент от этого еще больше усиливался.

– В полку мною спланирован большой объем работы! Вот перечень того, что необходимо сделать в каждой казарме, в общежитиях, в столовой, на складах. Самое главное – внешний вид полка! Приедут гражданские люди, и ухоженность, благоустройство для них главное! Я наметил следующее: покрасить казармы светло-розовой краской. Стены на солнце выгорели, и сейчас не поймешь, какого они цвета. Мусорные баки сделать черными! Обсерить бандюры. По всему периметру городка.

– Чего сделать? – громко спросил Подорожник, не поняв незнакомую фразу.

– Обсерить бандюры, – еще раз повторил зам по тылу.

Народ в зале тихо засмеялся.

– Фарид Махмутович, поясни, я ни хрена не разобрал последнее выражение. Что за... ну ты несешь? Я вроде не дурак, но не понял смысла. Какое-то новое ругательство ты ввел в русский язык! – в свойственной ему манере грубо хохотнул Филатов.

– Обсерить бандюры-то? Как? Что непонятного? Ну, бетонные камни вдоль дорожек сделать серыми. Покрасить цементным раствором, – смущаясь и краснея, пояснил Махмутов.

– А-а-а... Обсерить... Ага, бондюры-бордюры... Теперь понял. Хорошо хоть не пересерить! А то пехотинцы, понимаешь ли, дружище, большие мастера все вокруг пересерить! Поясню для бестолковых: покрыть серой краской бордюры. А не то, что вы подумали! Продолжай дальше, – махнул рукой командир, вытирая брызнувшие слезы. Его большое тело сотрясало от беззвучного хохота, лицо покраснело.

Сидящие в зале давились от смеха. Зам по тылу продолжил:

– Показывать будем казарму артдивизиона, танкистов и первой роты. Офицерское общежитие подготовим одно. Наверное, первого батальона. Сегодня я обошел эти помещения. У артиллеристов в целом хорошо, танкистам нужно будет немного поработать. А в казарме первой роты – кошмар! Захожу в роту: там грязь! Захожу в тумбочку: там бардак и крыса! Мухам по столбам везде сидят.

– Кто сидят? – удивился командир. – Мухам как?

– Мухам летают, по столбам садятся! – растерянно произнес Фарид Махмутович.

– А-а-а... Летают... Сбитнев! Почему мухам у тебя летают и по столбам сидят? В тумбочку войти мешают... – из последних сил сдерживая смех, произнес «кэп».

– Не знаю, – чистосердечно ответил Володя и пошутил: – Постараемся переловить, крылья оборвать и истребить.

Весь зал заливался диким хохотом. Махмутов что-то пытался говорить, но его никто не слушал. С этой минуты кличка Мухам По Столбам закрепилась за ним навсегда.

Сбитнев толкнул меня в бок и прошипел:

– Если мы по казарме будем бегать и мух бить, времени на службу не останется.

– Володя, нужно внести изменения в штатную структуру роты. Вместо одного снайпера ввести должность забойщика мух, москитов и комаров, – согласился я, весело смеясь.

Тем временем в клуб вернулся Ковалев, неся книгу приказов и штатно-должностную. Командир полка взял их, развернул на столе и принялся показывать Ошуеву и Золотареву на несоответствия.

– Капитан, иди сюда! – рявкнул Филатов, оборвав смех офицеров. Тыкая пальцем в страницы, он произнес: – Смотри вот, вот и вот. Долболоб! Порублю «конец» на пятаки!

Далее последовали самые грубые и сочные выражения. По окончании тирады командир метнул штатку в голову осторожно пятившегося к краю сцены капитана. Тот, словно игрушка ванька-встанька, мгновенно согнулся пополам, а затем вновь выпрямился как ни в чем не бывало. Разгильдяй сумел увернуться от запущенного в него убойного снаряда. Огромная книга полетела в зал. Она звучно плюхнулась среди сидящих впереди танкистов, не долетев до нас всего полметра.

Я почесал затылок и тихо произнес, наклонясь к Сбитневу:

– Больше я на совещания не хожу. В следующий раз тут туфли или сапоги метать начнут. Уж лучше я воспитательную работу с бойцами буду проводить в ленкомнате. Там спокойнее.

– Все прекратить п...деть! – рявкнул «кэп», что-то записывая в карточку Ковалева. – Я вам что, клоун? Капитана – под домашний арест, на трое суток! Шагом марш!

Проштрафившийся подобрал штатную книгу и, втянув голову в плечи, понуро сторбившись, удалился.

Полк покинул свои казармы и двинулся в горы, а на наше место прибыли строители наводить чистоту для очередной показухи. Что ж, каждому свое: одним – строить, другим – все ломать.

Четвертый день рота сидела в горах на указанных задачах, а паек был получен на трое суток. Грустно. Желудок рычал и гневался. Не нравился ему суточный пищевой рацион. Банка фруктового компота, банка фруктового супа с рисом и изюмом, банка с пятьюдесятью граммами паштета, банка с пятьюдесятью граммами сосисочного фарша и такая же баночка перченной говядины. К этому набору – пачка галет и несколько сухарей. А еще чай, чай и чай. Его пили, пока была вода во фляжках. Вода, к сожалению, быстро кончилась. Убогие пайки за трое суток истреблены полностью, больше нечем поддерживать полуголодное существование. Как питаться на четвертые сутки? Рано утром, допив последнюю кружку чая, я сидел и рылся в вещмешке в поисках съестного.

А чего исследовать его содержимое? И так знаю – пусто. В нем ничего, кроме половины пачки галет, двух конфет и стограммовой баночки сока. Умереть, конечно, не умру, но обидно голодать в пяти километрах от развернутого полевого лагеря дивизии. Да и кишлак рядом внизу, где бродят куры, овцы, коровы. Но нельзя! Мародерство...

Я лежу в «СПСе», жарюсь на солнце и злюсь сам на себя. Пыль, пекло, мухи, грязь, голод. Ведь мог, как белый человек, уже пару недель служить на посту в одном из батальонов, охраняющих дорогу или зеленку. Предлагали же! Нет, отказался – и вот результат.

Вертолеты пара за парой заходили на штурмовку. Они наносили удар за ударом по горному хребту справа от нас на расстоянии пяти-шести километров. Треск и грохот сверху дублировали разрывы авиабомб и снарядов на земле.

– Муталибов, что у нас с чаем? – поинтересовался я у сержанта.

– Чая только два пакетика осталось. Эти придурки его выкурили, когда сигареты кончились, – сердито ответил Гасан, одновременно отвешивая затрещину курильщику Царегородцеву.

– Царь! Сколько можно говорить вам, дуракам, что курение чая приведет к туберкулезу. Сдохнешь быстрее, чем от никотина, – рассердился я.

– Много раз пытался бросить курить, но не получилось, – грустно ответил солдат, разогревавший воду на костерке в трех банках из-под компота.

– Ну что ж, мучайся дальше, бедолага-табачник, – похлопал я по плечу солдата.

Свернутой в несколько раз оберткой от салфетки я взялся за отогнутый край горячей баночки. Вытянув губы в трубочку, осторожно начал прихлебывать обжигающий желтоватый напиток с легким запахом гари. Последние два кусочка сахара, последняя галета и последняя кружка чая. Далее остается только грусть, наблюдение за горящим кишлаком и бесцельное разглядывание неба.

– Гасан, ты чего такой неразговорчивый и хмурый? – поинтересовался я у сержанта.

– Плохие известия получил с дороги из третьего батальона. Кунаки погибли. Узнал буквально перед выходом.

– Коздоев и Эльгамов? – догадался я.

– Да. Я с ними подружился, когда они в батальонном разведвзводе служили и жили в нашей казарме. Хорошие ребята! Почти земляки. Башир Коздоев меня звал к женщинам сходить. Но я без любви не могу. А у него это запросто. Пообещает большие деньги, и многие на все согласны. Первая была библиотечарша молодая, потом официантка Унылая Лошадь.

– Ха-ха! Ну ты сказал! Унылая Лошадь! Это Вера, что ли? Вы ей такую кличку дали? – засмеялся я, догадавшись о ком идет речь.

– Угу. А что, прозвище на все сто! У нее до тошноты тоскливый и унылый вид. Не ей за услуги деньги платить надо, а она должна – за развлечение. За то, что с ней сумели переспать. Башир пообещал две тысячи афгани, но потом прилепил ей между ног двадцатку! В тот момент у нее физиономия была еще унылее обычного.

– И что Верка? Возмущалась?

– А ничего. Пожалуйся – и в двадцать четыре часа в Союз вышлют. Встала, отряхнулась и ушла грустная... Эх, жалко погибших джигитов...

Я не стал расстраивать сержанта, не рассказал ему, как встретили смерть его земляки. Эти мерзавцы были бедой батальона, они доводили Подорожника до белого каления. И когда командир разведроты Ардзинба по указанию Ошуева попросил отдать ему обоих суперменов, то Чапай их с радостью сплавил. Позднее избавилась от них и разведка, негодяев перевели во второй батальон. Затем они оказались в третьем батальоне. Там и погибли.

Эльгамову кто-то из бойцов выдернул чеку из гранаты, лежавшей в кармашке разгрузки. Солдата от взрыва разорвало пополам. Официальная версия: попадание из РГП. А Коздоев схлопотал пулю в затылок. Якобы работал духовский снайпер. (Эта версия предназначалась для командования, а также родным.)

– Гасан, хорошо, что их убрали из батальона. Ты такой приличный парень, эти варнаки сбили бы тебя с толку. Как чеченцы из казармы исчезли, ты изменился в лучшую сторону. Стал самим собой, без придури.

Сержант тяжело вздохнул и отвернулся. Ничего не ответив, он продолжал грустить.

Полк возвращался в Кабул в хорошем настроении. Немного поголодали, но зато все живы и здоровы. В моей роте полоса удачи несколько затянулась. Обычно такой период сменяется чем-то ужасным. Не дай Бог!

На душе тревожно... Пора менять место службы...

В казарме меня дожидался нервно курящий сигарету Артюхин.

– Ну где ты болтаешься? Я тебя устал ждать! Забудь о роте и принимай дела батальона!

– Как забыть? Будет приказ, возьмусь за батальон, а пока занят своими бойцами, – огрызнулся я в ответ.

– Приказ есть! Ты второй день как назначен. Поздравляю! А я второй день как исключен из списков части. Завтра улетаю. В основном все бумажки написаны, планы за сентябрь сам сделаешь. Чего тебя учить, постоянно исполняешь чужие обязанности. Торжественно вручаю стопку тетрадей и бумаг. Изучай. Утром доложим Золотареву, и бери бразды правления в свои руки. Вчера заменщика на твою первую роту нашли на пересылке. Вечером привезут. Так-то вот! Дерзай...

* * *

Я крепко и сладко спал. Снилось что-то цветное и красивое. Да и какие могут быть сновидения у человека, только что назначенного нежданно-негаданно на вышестоящую должность!

Кто-то резко схватил меня за руку и словно выдернул из снов в реальность.

– А? Что? Где? Уф!.. – забормотал я спросонья, протирая глаза.

На будильнике стрелки показывали шесть утра. По комнате энергично и нервно расхаживал Артюхин, громко матерясь.

– Гриша! В чем дело? Мне сегодня не надо на подъем бежать! Очередь зампотеха! Промотр такого хорошего сна сорвал! пляж, девки, солнце, шампанское!

– Тебе сейчас будет не до шуток! Вставай быстрее! Сержанта Алаева застрелили, – буркнул Григорий.

– Алаева? Минометчика?

Холодный пот прошиб меня насквозь. Черт побери! Побыл замполитом батальона одну ночь. Сегодня могут уже снять. Проспал должность...

Артюхин продолжил рассказ:

– Он был дежурным по минометной батарее. В рейд не ходил, казарму охранял. Утром пришел со сторожевого поста у казармы сдавать оружие Рахманкулов. Во время разряжания произошел неосторожный выстрел. Пуля попала сержанту в шею и вышла из левого уха. Напал.

Я мгновенно натянул форму, и мы побежали к минометчикам.

По казарме ходил, пиная табуретки и громко ругаясь, полковник Рузских, заместитель командира дивизии. Рузских являлся старшим группы офицеров дивизии по подготовке городка к показу, поэтому он нервничал. ЧП в полку, и он вроде бы частично виноват в этом происшествии. А какая его вина? Никакой!..

Следом за полковником туда-сюда ходил командир полка в огромных солнцезащитных очках-блюдцах. Последними явились замполит Золотарев и полковой особист, подполковник Зверев. Оба были растеряны и сильно помяты. После ночной попойки лица у них распухли, а вокруг распространялся крепкий запах перегара.

Особист полка – колоритная фигура! Спирт пил стаканами, а из закусок отдавал предпочтение хорошей русской водке.

Однажды зама по тылу Ломако скрутил гепатит. Когда его на носилках несли в санитарный узик, он, поманив пальцем Муссолини, простонал:

– Женя, под моей кроватью стоит канистра со спиртом. Береги ее, как зеницу ока!

На что замполит-два ответил:

– Выздоровливай, Виктор, не беспокойся! Сохраним!

Оба политических руководителя (Муссолиев и Золотарев), командир полка Зверев, а также их заезжие друзья-приятели три недели радовались жизни. Счастье закончилось с последней каплей алкоголя. Когда Ломако вернулся из инфекционного госпиталя и заглянул в горлышко канистры, то с ужасом обнаружил, что спирта нет.

– Жень, а где спирт?

Муссолини разгладил усы и, хитро ухмыляясь, ответил:

– Васильич, ты канистру не закрыл. Наверное, забыл в горячке болезни. Она возьми и высохни. Я вчера приподнял ее, а там спирт на донышке плещется. Усох, зараза! Лучше бы выпили, чем так бездарно добро пропало!

...Большую часть того спирта поглотил контрразведчик.

Мы с Артюхиным не стали приближаться к командованию, а встали у входа, разглядывая мрачную картину.

Сержант лежал ногами к оружейной комнате, а головой упирался в тумбочку дневального. Вокруг затылка образовалось широкое кровавое пятно. Над телом склонился начмед Дормидович, после недолгих манипуляций он грустно вздохнул, констатируя:

– Мгновенная смерть!

– Где этот стрелок? Какого он призыва? – спросил Артюхин у командира батареи.

– Рахманкулов? Молодой солдат... – ответил Степушкин. – Только прибыл с пополнением.

– Над ним издевались? Неуставняк? Что тебе известно, Виктор? – посмотрел я с тоской на Степушкина. – Отчего он стрельнул?

– Да вроде бы не били. Врачи бойца осматривали, на Рахманкулове побоев нет. Черт! Не дожил Алаев месяц до дембеля!

– Куда девали недоумка-снайпера? – переспросил Артюхин.

– В особый отдел забрали. Его допрос ведет Растяжкин, – уныло ответил капитан.

Медики уложили тело сержанта на носилки и унесли в медпункт. К нам подошел злой и угрюмый Подорожник, и все замолчали. Он хмуро посмотрел на лужу крови, огляделся вокруг и сказал:

– Степушкин! Кровь убрать, оружейку проверить и запереть! Офицерам и старшине батареи написать рапорта о происшедшем. Доложить, кому что известно. Ответственному по казарме во время происшествия лейтенанту Прошкину прибыть ко мне в кабинет.

В штабе Прошкин пояснил:

– До подъема ночь прошла спокойно. Солдаты после дороги устали и отдыхали. Никаких инцидентов не было. В полшестого утра лейтенант отправился в штаб к дежурному по полку и на ЦБУ (помимо ответственного по батарее, он был дежурным по артиллерии). В это время и случилось несчастье.

Всех офицеров управления батальона вызвали к Филатову.

В кабинете за длинным столом сидела инквизиция: Рузских, «кэп», особисты, оба замполита полка. Закрывая большой стол, лежала развернутая карта Кабула и план полка. Рузских хмурился и был явно удручен случившимся.

– Через две недели прибывает комиссия, и подобное происшествие нам ни к чему. Для гражданских министров узнать о расстреле будет шоком. Необходимо представить событие как можно приличнее. Ваши варианты? – спросил Рузских.

Мы переминались с ноги на ногу и чувствовали себя отвратительно.

– Может быть, обстрел позиции? – подал я несмело голос.

– Ростовцев, какой на хрен обстрел, если в голове пуля от АК-74? – возмутился Филатов. – От казармы до кишлаков больше полутора километров. Не долетела бы.

– За парком до сих пор стоит полковая колонна. Технику вечером заправляли топливом. В принципе, если бы его убили там, то можно было бы рассчитать необходимую траекторию выстрела, – неуверенно продолжил я.

– Так-так. Давайте развивайте свою мысль. Думайте, начальники! – поторопил нас полковник.

– А если сержант пошел проверять дополнительный пост у техники? – выдвинул свою версию Артюхин.

– Он дежурный по батарее, вот и направился осмотреть технику и охрану, – робко высказался Степушкин.

– Хорошо. Уже почти хорошо! – воскликнул замкомдива. – Где колонна? Сколько до Даруламана?

– Оттуда метров четыреста до ближайших афганских строений. Теоретически могли из развалин пальнуть... Могли от заграждений из колючей проволоки, – поддержал версию Подорожник.

– Как на схеме это выглядит? – еще больше заинтересовался Рузских, и «полководцы», тесня друг друга, склонились над планом.

После замеров, подсчетов начальство принялось оживленно обсуждать предполагаемый официальный сценарий для проведения следствия. Замполит полка-один Золотарев махнул рукой, чтоб мы скрылись с глаз. Когда он появился перед нами через полчаса, последние детали были уже уточнены.

– Товарищи офицеры! Понятно, что мы выбираем в качестве официальной версию с обстрелом. Но за само происшествие спрошу с вас на полную катушку! Теперь решаем, что делать с солдатом. В полку он не жилец. Его азербайджанцы, земляки Алаева, уничтожат. Сегодня Рахманкулов ночует в санчасти, а завтра недотепу отправляем в дивизию. В медсанбате подлечит мозги. Подготовить документы, исключить из списков части, экипировать. Вывезти как можно быстрее. И главное – меньше болтать!

Артюхин не стал затягивать с убытием. Он быстро собрал вещи и на следующий день уехал домой в Россию. История с неосторожным убийством Алаева завершилась отправкой тела на Родину и орденом – посмертно. Повез тело в «Черном тюльпане» наш старшина роты Халитов. Другие офицеры сопровождать «груз-200» в горный азербайджанский аул не решились. Из такой командировки живым и здоровым славянину вернуться проблематично. Изабьют или убьют многочисленные родственники. Армян отвозят прапорщики-армяне, грузин – грузины. Если убьют чеченца, придется Ошуеву опять ехать. Коздоева и Эльгамова он отвез лично, другие офицеры от этой миссии отказались.

* * *

Комбат представил меня батальону в новой должности и велел переселяться в его комнату. Я неохотно перебрался на опустевшую койку Артюхина. Что ж, жизнь идет своим чередом. Происшествия, трагедии, праздничные мероприятия. Вот опять запланированная пьянка. А куда денешься – традиция, ритуал... Чапай два дня молчал, ухмылялся, а потом спросил: собираюсь ли я вливаться в коллектив управления батальона?

После полковой вечерней проверки собрались комбаты и офицеры управления батальонов. Сели за столом в нашей комнате. Чествование проводили скрытно, соблюдая маскировку и конспирацию. Как всегда в период развернувшейся кампании борьбы за трезвость. После четвертой рюмки слово взял Ахматов:

– Василий Иванович! Ну тебе и заместитель достался! Алкаш и дебошир!

– Рома, ты чего это, обалдел? – удивился Подорожник. – Кто? Ростовцев? Пьяница? Он, конечно, отъявленный разгильдяй, но трезвенник. Это ты напраслину возводишь на парня.

– Самый что ни на есть пьянчуга! А когда напивается, то орденами разбрасывается. Бухарик!

Подорожник удивленно уставился на меня, а я с укором посмотрел на Романа.

– Извини, замполит, но ящика коньяка я так и не дождался, – усмехнулся танкист. – Дольше правду от своего друга Василия скрывать не могу! Совесть не позволяет! Месяц назад напился Никифор в моей комнате, да так, что не помнил, как ушел и куда орден Красной Звезды бросил!

– Почему не помнил! – возмутился я. – Все отлично помню. Как, Роман Романыч, ты меня к себе тащил, потому что у танкистов спиртное кончилось. Отчетливо припоминаю стриптиз на столе, девку голую в твоей кровати. Помню, не забыл.

– Молодец! – хлопнул меня по плечу Скрябнев. – Уделал бронелобого. Правильно, нечего стучать на собутельников.

– А он и сам бывший бронелобый, танковое училище закончил, – смутился Ахматов. – Порядочные люди за стриптиз, между прочим, деньги платят, а мы пехоте бесплатно показали. Эх, хороша была Элька. Огонь-баба!

– Была? А шо так! Куда девалась? – участливо спросил Подорожник.

– Обиделась. Чертова шалава! Застал с начальником штаба, побил маленько, для профилактики. А она теперь из койки Светлоокова не выходит. Гадина, наглая и бессовестная. – Романыч плеснул коньяка в стакан и с досадой залпом выпил. Офицеры сочувственно и ободряюще улыбались. – А вообще, Никифор молодец! – продолжил Ахматов, поставив стакан. – Наконец-то у тебя, Василий Иванович, будет заместитель не только в полку, но и на боевых. Этот и в горы пойдет, и в зеленку. А то уже четвертого получаешь политрука за год. Одни теоретики. Резво ты, старлей, начал! Так дослужишься до начальника политуправления какого-нибудь военного округа. Дай-то Бог! Выпьем за это!

– Жизнь покажет! – нахмурился Подорожник и опустошил рюмку.

– А что со Светлооковым происходит, Рома? Что у него за проблемы? – поинтересовался Скрябнев.

– Гнусная житейская история. Драма как в кино. Сейчас расскажу. Мне за Эльку на него обидеться нужно, а я его даже жалею. Понимаю: должен же кто-то утешить мужика. Одно обидно: почему утешает моя женщина? Что, других баб в полку не мог найти, потащил мою к себе?

– Так что за история? – живо заинтересовался Подорожник.

– Грустно и смешно. Генка копил деньги, покупал жене подарки, почти ничего не пропивал. Пару недель назад он особенно заскучал и отпросился в Кабул. Решил домой позвонить. Международная связь, сами знаете, ужасно дорогая, но Геша не поскупился. Разменял Светлооков сто чеков на афгани, приехал на городскую телефонную станцию, каким-то образом объяснился с телефонистом. Звонил, звонил и дозвонился наконец в Благовещенск. Снимает трубку какой-то мужик. Спрашивает: «Что нужно?» Гена удивился, оторопел и говорит: «Позовите Елену!» А тот: «Ты кто?» – «Это ее муж!» – ответил Светлооков. Мужичина на том конце провода засопел и злобно рявкнул в ответ: «Пошел на... козел! Ее мужик в Афгане! Сейчас я ее муж!» И бросил трубку. Генка опешил. Приехал в полк ни жив, ни мертв. Пришел в комнату, а там Элька одна сидела, я на совещании был. Геша поведал о беде. Выпили, покурили, выпили еще. Она расчувствовалась, пожалела и приголубила. Гады и сволочи. Меня-то за что обидели? Прихожу: лежат в кровати голые, пьяные, грустные и курят. Стол бутылками и окурками завален. Даже не смутились, наглецы! Налили мне стакан коньяка. Я выпил, собрал ее шмотки и вышвырнул за дверь. Дал ей сочную оплеуху и пинка под зад. А Генке приказал выметаться в комнату зампотеха. Теперь не разговариваем.

– Поучительная история, – задумчиво вздохнул Подорожник. – Но бывают промашки и хуже. Даже со старыми зубрами вроде меня! Говорю всегда, сами с усами, а опростоволосился, словно зеленый лейтенант! Рома, помнишь, приезжал в полк ансамбль «Крымские девчата»?

– А как же! – ухмыльнулся Ахматов.

– Улыбаешься? Вот и я недавно улыбался. Хорошие девчатки, ядреные, сочные. Я после банкета Люську-солистку на руках нес к себе. Спьяну запнулся, уронил ее на лестнице. Ох, и пухленькая дивчина! Как она колыхалась со ступеньки на ступеньку! Пампушечка! А в постели хороша! Прислала мне позже из Ялты открытку: «Васенька, никогда не забуду наши жаркие ночи, эти счастливые мгновения. Навеки твоя!». Я, старый дурак, имею привычку читать книги, пользуясь закладками. Эту крамольную открытку, прочитав «Милого друга» Мопассана, случайно оставил на последней странице.

– И что? – засмеялся в предвкушении хохмы Скрябнев.

– А то! Мина замедленного действия! Уезжал домой Папа-Айзенберг, я его попросил пачку книг к тещеньке в Ташкент завести. Жена у меня тоже книголюб. Прочла книжку и ознакомилась с любовным посланием. А я-то думаю, что-то письма получаю уж больно холодные, почти официальные. Приехал, начал к жене моститься, а она и говорит, чтоб я вначале присланный роман прочел. Протягивает книжку, открываю – и сердце замерло. Злополучная улика на первой странице лежит. Пропал отпуск...

Никто, конечно, смеяться не стал. Присутствующие сочувственно хмыкали или понимающе кивали.

Теперь мне стало понятно, почему Подорожник вернулся из отпуска грустный и ходил словно пыльным мешком ушибленный. Не было прежнего командирского задора, рвения и пыла. Сохранилась только злость. Крепко, видимо, жена в отпуске нервы потрепала.

Спиртное, что закупили, выпили, но некоторым показалось этого мало. Роман пригласил меня и Василия Ивановича к себе в гости. Я не хотел идти, но комбаты настояли на своем:

– Никифор, ты знаешь, редко выпадает случай пить с будущим Героем! С нашим нынешним полковым Героем никто не пьет в силу его нелюдимого характера. Детям и внукам впоследствии дома буду рассказывать про тебя.

– Пошли с нами! – улыбнулся танкист Ахматов и, взяв меня под локоть, увлек за собой. – Не обижай отказом! И не дуйся на то, что я про потерянный орден рассказал.

В комнате Романа комбаты после каждой рюмки затягивались очередной сигаретой, и меня слегка замутило.

– Товарищи майоры! Я выйду подышу! – сказал я и вышел из модуля.

На лавочке за углом домика сидел Светлооков и что-то грустно насвистывал. Он уставился на меня и спросил:

– Ростовцев! У тебя сто чеков есть с собой?

– Ну есть! А что? – осторожно поинтересовался я.

– Дай! В займы на неделю! – попросил Гена.

Вспомнив о приключившейся беде Светлоокова, я не смог ему отказать и протянул деньги.

– Ой, спасибо! Выпить жутко хочется, а мы со Скворцовым получку уже прикончили! Быстро заходи к нам в комнату. Я мигом!

В помещении сидели командир роты Женька Скворцов и красавица Элька. Оба дымили «Столичными» и молча слушали магнитофон.

– Никифор, тебе чего? – спросил Женька.

– Гена взял у меня денег, направил сюда, а сам побежал к работягам за водкой.

– А-а-а! Тогда заходи, очень рады!

Светлооков вернулся спустя пять минут и сразу без лишних слов разлил водку по стопкам. Залпом выпил содержимое своего стакана, достал пачку сигарет, закурил и задумался.

– Гена, да не грусти ты. Прекрати себя изводить, – похлопал его по плечу капитан Скворцов. – Совсем себя измучил. Вот посмотри на меня. Я ведь ни капли не печалюсь, хотя знаю наверняка, что жена мне с соседом изменяет.

– С каким соседом? – оживилась Элеонора.

– Да с майором, начмедом полка! Будь он неладен!

– И ты так спокоен? – удивился я. – Непостижимо!

– А что беспокоиться? Она в надежных руках. Тем более я сам виноват. Мы с начмедом соседи по лестничной площадке, семьями раньше дружили. Отправили Семена (соседа) в Афган на два года, а жена у него раскрасавица и знойная женщина. Мимо равнодушно пройти тяжело. Просто невозможно не обратить внимания. Короче говоря, через полгода после отъезда дружка под бутылочку и музыку мы с Валентиной согрешили. Потом еще раз и еще много раз. Полтора года я пахал на два фронта, в двух постелях. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Вернулся начмед, а гарнизон маленький, правду не скроешь, про всех знают. Ехидные бабы любят влезть не в свое дело. Какой-то гадюке приспичило раскрыть глаза мужу на измену жены. У него дома произошло небольшое сражение, побили посуду, цветочные горшки. Валька шикарный синяк под глазом получила.

– Тебе, негодяю, майор морду набил? Признавайся, сволочь! – со злостью в голосе спросил Светлооков.

– Нет, Гена. События развивались совсем по другому сценарию. Я уже получил предписание убыть в Афган. Ну, думаю, пронесло, уеду без скандала. Мне и самому перед Семеном неудобно. Не знаю, как в глаза смотреть, друзьями же были. Собрала жена вещи в чемодан, плачет, провожая в дорогу, криком кричит. Я ей: «Дура, не хорони раньше времени!» Тут звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит начмед с бутылкой водки. У меня в груди похолодело. Приглашаю войти, а жену выставляю из квартиры, к соседке. Она единственная, наверное, в городке про нас с Валькой ничего не знала. Сели мы с Семеном за стол, я закуски приготовил. Нарезал сало, колбаски, огурчики соленые, помидорчики, капуста. Грибочки всевозможные: грузди, маслята, рыжики...

– Ух, отменный закусон! – проглотил я слюну, представив все эти яства.

– Пьем, жуем, молчим, – продолжил рассказ Скворцов. – Выпили его бутылку, я достал свою из морозилки. Разливаю по стопкам, и тут сосед говорит: «Женя! Как ты уже понял, я знаю про тебя и Валентину! Нашлись доброжелатели, просветили. Ну спасибо, удружил, сердешный... Ты эти годы услаждал мою жену, холил ее, лелеял, пока я в Афгане служил. Ладно, забудем... Слышал, Жека, ты теперь воевать едешь?» Я киваю головой, а самого в жар и в пот бросает. Понимаю, к чему он клонит! Сосед же продолжает: «А теперь, Евгений, не обессудь. Моя очередь кобелировать. Служи спокойно, не переживай. Пригляжу за твоей супругой, будет в целостности и сохранности». И так уверенно гад говорит. Улыбается недобро.

– Жека, не расстраивайся, на понт тебя брал медик, – попробовал я успокоить капитана.

– Если бы... С каждым месяцем письма реже и реже приходят. И те немногие как дежурные отписки. Последняя весточка – почти месяц назад... А раньше пару раз в неделю получал депеши. Мужик он видный и выгодный. Спирт, лекарства... Начмед такая же, как и я, сволочь...

Светлооков внимательно выслушал байку, но не повеселел. Наоборот, еще сильнее пригорюнился, нахмурился и ушел в себя.

Бедняга Генка Светлооков! Нельзя воевать с таким настроением! Пропали сто чеков. Зарекался же я не давать в долг перед рейдом! Гибнут все мои должники! Не везет им...

Глава 5. Расстрелянный стройбат

Тревога! Пропала колонна автомобилей строительной бригады. Стройбат отправился на девятнадцати КамАЗах за щебнем и исчез. Похоже, заблудились и уехали к духам. В карьере они не появились. Обрато в Кабул не возвращались. Затерялись в окрестностях Пагмана. Вскоре афганцы сообщили, что видны горящие машины в центре поля, вдали от трассы. Причем совсем в другой стороне от установленного маршрута.

Батальон быстро пополнили боеприпасами, продуктами и без лишних строевых смотров отправили на вертолетную площадку. Вертолеты сменяли друг друга, унося каждые пять минут в горы очередной взвод. Людей разбили на группы по десять человек. Всевозможные списки и донесения офицеры составляли на ходу, а штабные забирали бумажки прямо на площадке.

Что случилось, никто толком не знает. Остались в живых строители или давно погибли? Примерное количество духов не известно, точный район высадки для нас не ясен. Начальство, конечно, основной информацией владеет, но почему-то до нас она не доходит. Одни недо-молвки. Не хотят верить в масштабы этой трагедии.

К лежащим на бетонке солдатам подъехал уазик, и из него выбрался важный началь-ник. Это был начальник политуправления армии. Я поспешил к нему и представился, доло-жил обстановку. Генерал махнул рукой и отправил меня обратно, начальство желало прямого общения с бойцами. Ну что ж, беседуйте. Следом за главным политруком армии из машины выбрался еще один не менее важный пассажир, которого не обхватишь и в четыре руки. Он был в отутюженном камуфляже, без знаков различия и звезд на погонах, но вид имел началь-ственный. Ходил сей товарищ степенно, переваливаясь с боку на бок, заложив пухлые руки за спину. Неизвестный остановился возле первой роты, и Сбитнев вскочил для доклада. Солид-ный поздоровался, похлопал Вовку по плечу и отправился догонять генерала. Я громко расхо-хотался и ткнул Вовку в бок:

– Не догадываешься, кому ты представлялся?

– Ну? Кому? Полковнику или генералу. А что?

– Да нет, ничего. Это прапорщик Вася, или Петя, или Сеня. Холуй-ординарец армей-ского ЧВСа (члена Военного Совета). Рыло, видишь, какое солидное наел за годы совместной службы! Генерал его с собой в Афган привез, с ним и уедет дальше. Тоже ветеран войны будет, как и мы с тобой.

– А ты откуда его знаешь? – с сомнением спросил Володя.

– На сборах видел, он генералу портфель носил и его распоряжения выполнял. Вот умора! Командир боевой роты перед денщиком прогнулся!

– Гад ты! Мог бы предупредить!

– Не успел. Ты так шустро рванул к нему, даже резина на ботинках задымилась! – рас-смеялся я ехидно.

– Ну и рыло прапор наел! А солидный, прямо маршал! Породистый!

– За то и держат, за представительность, – усмехнулся я.

Батальон разместился по высотам, с которых можно было разглядеть убогие кишлаки, притулившиеся на крутых склонах. Виноградников было мало, но много ореховых деревьев и шелковицы. Витамины! В бинокль хорошо видны дома, дворы, домашний скот. Людей нет. Скрылись. Раз аборигены сбежали, значит, это они сотворили побоище, чувствуют за собой грехи. Первая установка командования: искать кого-нибудь из спасшихся солдат.

Артиллерия с площадки у шоссе обстреляла дальние горные хребты, авиация бомбила и наносила ракетные удары. Дымы от бесчисленных пожарищ в зарослях густого кустарника стелились по горным вершинам и столбами поднимались в небо. Ночь напролет артиллерия

выбрасывала смертоносный груз по невидимому противнику. Кто знает, попадают они в кого-нибудь или нет? Стрельба приятно радует, потому что понимаешь: ты не один, не брошен на произвол судьбы в духовском районе.

Утром десантники вошли в кишлаки со стороны долины, а наши разведчики спустились со стороны гор. Что-то взорвали, что-то подожгли. Изредка происходили скоротечные перестрелки. Авиация теперь летала уже где-то в стороне, и слышны были только доносящиеся издали глухие взрывы бомб.

Время текло медленно и монотонно. Мир вокруг словно замер. На ясном голубом небе ни облачка. Сентябрь в Центральной Азии – это не сентябрь на Урале. Солнечные лучи опаляли камни, колючки, одежду и, конечно, наши тела. Марево раскаленного воздуха обволакивало укрытия, и не было никакого желания вылезать наружу – прочесывать кишлаки. Брезентовые накидки, натянутые над «СПСами», оберегали от прямых солнечных лучей, но не спасали от духоты и зноя.

Новости поступали с каждым часом все ужаснее. Обнаруженные машины были сожжены духами. Офицеры и солдаты найдены, но живых нет. Убиты, замучены, изуродованы. Многих из них сожгли в стоге сена. Некоторых бросили в огонь живыми. У строителей был один на всех пистолет, и у какого-то водителя под сиденьем лежали две гранаты. Постепенно выяснялись подробности этой жуткой трагедии.

Колонна сбилась с пути, какие-то афганцы указали дорогу, но не к карьере, а в мятежный кишлак. Местные жители, работавшие в поле, увидели легкую добычу и обрадовались. Духи схватились за автоматы, гранатометы и принялись расстреливать головной КамАЗ. Он моментально загорелся. Замыкающие колонну машины попытались развернуться, сдать назад. Но из гранатомета подбили самую последнюю из них. После этого водители бросились враспынную. Словно загнанную дичь на охоте, их расстреливали в упор. Раненых добивали прикладами, лопатами, мотыгами и прочими орудиями мирного труда. Многих оскальпировали, кастрировали, некоторым вспороли животы... Лейтенант был скошен очередью, так как расстрелял всю обойму из пистолета. Прапорщик бросил одну гранату, а вторую не успел – застрелили. Машины подожгли, даже грабить не стали.

После этого побоища местные жители быстро покинули кишлаки и ушли, кто в горы, кто в Кабул. Второпях и скотину не увели с собой. Голодные, привязанные к деревьям и столбам ишаки, брошенные в спешке хозяевами, оглашали своим ревом окрестности.

Батальоны на следующий день спустились с гор в аул. Через него шел маршрут к поджидавшей в долине технике. Жизнь после нашего посещения кишлака замерла окончательно. Коровы, лошади, ослы лежали всюду, тут и там, расстрелянные из автоматов. Это десантники выместили на них накопившуюся злость и ярость. После того как мы покинули поселение, крыши домов и сараев во дворах дымились и горели.

Черт! Эти жилища и не подожжешь толком. Одна глина и камни. Глиняный пол, глиняные стены, глиняные ступени. Горят только циновки на полу да плетенные из виноградной лозы и веток кровати. Убогость и нищета вокруг. Парадокс! По нашей марксистской идеологии тут живут как раз те люди, ради которых затевался пожар мировой революции. Это их интересы Советская армия прибыла защищать, выполняя интернациональный долг. И все же мы для них оккупанты, чужеземцы и неверные. Собрать бы этих вождей: Брежневых, Сусловых, Громыко, Андроповых, Устиновых и т. д., даже тех, кто уже умер, привезти в такой кишлак и ткнуть мордой в этот бессмысленный кошмар. Спросить: зачем? почему? Какой социализм они собрались тут строить? Раскройте глаза! Напрягите старческие мозги!

* * *

Это был мой последний рейд, во время которого я совмещал две должности. Сменщик не прибыл, и я воевал с родной ротой. Офицеры ухмылялись, но были смущены резким изменением моего статуса. Я и сам чувствовал неловкость.

Командование задачу несколько изменило, и полк перебросили в Пагман, в прошлом живописный дачный район Кабула. Когда-то, еще не очень давно, до череды революций, переворотов и мятежей, это был цветущий край. Здесь размещались загородные дома-виллы, принадлежавшие иностранцам и местной знати. Сейчас остались от бывшего великолепия только остовы плохо сохранившихся зданий. Разруха, одним словом.

Мы вошли в один из дворцов. На отциклеванных паркетных полах была рассыпана солома, а на ней разложены помидоры. Большая белая ванна до половины наполнена грецкими орехами. Бак газового титана старательно расстрелян автоматными очередями вдоль и поперек. Высокий зеркальный потолок холла зияет многочисленными выбоинами, а те стекла, что не осыпались, разбиты. Кто-то очень целеустремленно разрушал все вокруг. Оконные рамы вырваны, двери сломаны. В центре большой комнаты, на паркете, потухший очаг и казан на подпорах. Холл выгорел, в кухне нагажено. Вот она – деградация. Закончилась эволюция от обезьяны к цивилизованному человеку! Развитие пошло вспять, обратно к неандертальцу. Нашествие варваров из глубины мрачных веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.